

Марина
ВИШНЕВЕЦКАЯ

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ ЛИЗЫ

Роман

Проза: женский род

Марина Вишневецкая
Вечная жизнь Лизы К.

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

Вишневецкая М. А.

Вечная жизнь Лизы К. / М. А. Вишневецкая — «АСТ»,
2018 — (Проза: женский род)

ISBN 978-5-17-107254-4

Марина Вишневецкая – писатель, сценарист. Лауреат премии за лучшую повесть года им. И.П. Белкина, лауреат Большой премии Аполлона Григорьева; автор сценариев более чем тридцати анимационных (премия «Золотой орел») и документальных фильмов. Главная героиня романа «Вечная жизнь Лизы К.» переживает каждое прожитое мгновение так же полно, как Наташа Ростова. «Я потерялась – между странами, между детьми, между родителями... между любовью...» И только когда происходящее касается Лизиной семьи остро и разрушительно, к ней приходит осознание неповторимости времени и своей ответственности за жизни других людей, как близких, так и очень далеких.

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107254-4

© Вишневецкая М. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	6
1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Артуровна Вишневецкая

Вечная жизнь Лизы К.

© Вишневецкая М.А.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Нелегко быть мной, думал Сдобсен тем утром. И никто не понимает, как это трудно.

Руне Белсвик

Мы всегда переоцениваем изменения, которые произойдут в ближайшие два года, и недооцениваем изменения следующих десяти лет.

Билл Гейтс

— Де твій брат, чуєш, де твій брат?

Сергей Жадан

Часть первая

1

Ух, и мелю. В сад пришли запорошенные. Викентий вырвался вместе с пуховичком, скинул его на бегу. На людях он часто ее подводил, словно хотел проверить на прочность их дружбу или только ее терпение. Но, поднимая с пола холодную поникшую куртку, Лиза сказала себе: если у тебя проблемы с одним товарищем, ребенок не виноват.

– Мамочка, вам анкетка.

Лиза расслышала «танкетка», поняла, что Викентий не снял ботинки, что сейчас с него натечет, как с оконфузившегося щенка, хотела броситься следом... Но баба Наташа уже крепко держала ее за рукав:

– Заполнение по желанию. А лучше б заполнить.

– А для чего?

– Психологи дали, дипломники. Для вас же хотят! Для себя и для вас.

На часах было много. В опроснике – тридцать четыре пункта. По-хорошему, следовало бежать. Но Лиза побаивалась бабы Наташи, обожала опросы, мучилась лужей, натекшей уже и с ее сапог, – в саду было по-всегдашнему перетоплено.

Можете ли вы рассказать ребенку поучительный случай из детства, представляющий вас в невыгодном свете?

Конечно, могу.

Можете ли вы извиниться перед ребенком в случае своей неправоты?

Легко!

Можете ли вы пообещать ребенку исполнить его желание за хорошее поведение?

Да, к сожалению.

Ваш любимый сказочный персонаж.

Колобок? Нет, меньшая дочь из «Аленького цветочка».

До пятнадцатого пункта все было просто. Ухо ловило Викешкино радостное повизгивание и хохот девочки, видимо, Даши – значит, дорвался и щекотал, а главного Дашиного поклонника, Федора, в саду, получается, еще не было. На пятнадцатом вопросе Лиза с виноватым притопом вышла из лужи, наследила до самого подоконника... В пункте № 15 ее попросили нарисовать человечка, несколько линий (любых), а потом – круг, треугольник или квадрат. Да, разбирались с нею по-взрослому. Как с матерью-одиночкой, или их что-то настораживало в Викеше? Круг или треугольник? Кажется, треугольник свидетельствует о повышенной сексуальности. Как и «меньшая дочь» из любимой сказки? Повышенной или неудовлетворенной? Надо же было так влипнуть. А все-таки зачеркивать треугольник не стала – какая есть, такая и есть.

Дальше следовало придумать сказку, выбирая по фразе из нескольких вариантов.

За морями, за лесами, в одном большом и сильном государстве...

Викентий затих. Даша тоже. Отвлеклись, наверно, на какую-нибудь игру. Или баба Наташа снимала с него ботинки? Надо было, конечно, сделать это самой.

Жил-был я...

Нет!

Жили бесстрашные люди, знавшие всё на свете...

То есть она выбирает более назидательный вариант? И что же это о ней говорит?

А в одной семье на окраине жил мальчик...

На окраине, как и они.

Он считал, что он – самый умный на Земле...

Нет! Лучше так:

Однажды он узнал, что это были его приемные родители..

Или не лучше? Какой-то бразильский сериал. Но как уж пошло, иначе она опоздает.

И мальчик обиделся за это на весь белый свет...

Стоп! За что?

Он провел в одиночестве несколько дней, прежде чем ему стало страшно и грустно...

Ладно, пусть. Дальше галочки ставились наобум. Как написал ей однажды Дэн, «ты сделала меня фрэндом рэндом».

Постепенно мальчик научился различать во встречах хороших и плохих, кому нужно помочь, а кого надо остерегаться...

Это не про Викентия! Это про Дэна.

Он дал себе слово, что отныне будет больше отдавать тем, кто рядом с ним...

И опять она назидает. Осталось выбрать последнюю фразу:

С той поры в семье воцарился мир.

Жирная птичка. И опять глупость? Ведь люди придумывают сказки по принципу компенсации... Да или нет?

Остальные заходы были как будто уже без подвоха: мечтать любит, рассказать о себе незнакомому человеку может «скорее легко», отдых предпочитает у воды... Надо было уже не бежать, а лететь. На последнем вопросе она снова споткнулась. Чаще всего перед сном ей думается – о работе, о личном? она анализирует отношения с ребенком или строит планы на будущее? А ведь листки следовало еще подписать: мама В. Мосийчука. И еще раз. И на третьем листе. И на последнем: 3.02.2012.

Перед сном уже несколько дней она представляет себя в постели с одним человеком – с тем, с которым в постели не окажется никогда. Значит, это не планы на будущее... И, посмотрев на часы, Лиза поставила быструю птичку рядом с «думаю о работе».

Дверь распахнулась, появился Федор с отцом, больше похожим на дедушку. Оба нисколько не замеченные, потому что из бээмвэшки, и оба вразвалочку – большой начальник и маленький. Оба без юмора и оттого немного смешные.

Поздоровалась, листки положила на подоконник и побежала.

– Мосийчучка-зверючка! – А вот голос у Феди очень уж резкий. – Мстители собрались!

Сердце ухнуло. Но не будет же он его сейчас колошматить, сразу и ни за что – разве только за дружбу с Дашей? – и шагнула в пургу. Это была такая секунда, во всяком дне всего лишь секунда, в которую она переставала Викентия видеть, слышать и ощущать – обрыв проводов, потеря связи, ядерная зима, страшилка ее младшешкольного детства! – и чтобы не обездвижить в этой секунде мамонтом, выхватила из кармана мобильный. Пропущенный мамин звонок и две эсэмэски от Дэна свела к общему знаменателю: пятница! Надо же, а она спросонья забыла.

Дэн писал: «завтра как всегда?», а спустя три минуты: «завтра никак ((((((«. И побежала по узкой сыпучей тропе между высокими двугорбыми сугробами, разгадывая контекст: он устал от их отношений (она, например, в каком-то смысле устала), у него заболел ребенок, его поставила под ружье жена, у него завал на работе? Если бы на работе, она бы знала... Ерохин умел улыбаться обо всем, о чем хотел промолчать, так что Лиза за год, да, почти уже год, что они были вместе, отучилась от вопросительных интонаций: ты не смог, потому что не смог! И Дэн опять в ответ улыбался – с тихой радостью ничему, никому. А все-таки он улыбался именно ей. Не как в офисе – на бегу и одними глазами, – а всем своим внушительным естеством (росту в нем было метр девяносто); у него даже уши вздрагивали, немного топырились и светились, когда он от души улыбался.

– Мам, алё, ты звонила, но понимаешь, про завтра еще непонятно, он пока написал, что не сможет, но ты же знаешь, у него семь пятниц... и семь суббот!

Снег бросался к ней, точно к родной, из арок, из просветов между домами – и она захлебывалась снежинками, колючими, как минералка. А мама, наверно, обидевшись на такое начало: без «доброго утра», без вопроса «как папа?», а ведь папу к вечеру, а она и забыла, «победила горизонталь», но что это значило – разыгравшийся радикулит, давление или лишние двести граммов, Лиза вчера уточнить не успела... мама сухо спросила:

– Бокрёнок в саду?

И столько было в этом «бокрёнке» оттенков (коннотаций, сказала бы мама, а Дэн бы сказал – заморочек), что Лиза опять забыла про вежливость:

– Где же еще?

А мама:

– Ты ничего не скрываешь? Он здоров? Он мне вчера показался вялым!

– Это потому что по скайпу. Ему скучно по скайпу... Мамочка, я люблю тебя! Я в перерыв еще позвоню. И папу люблю! Целую!

– Конечно, если по скайпу и если...

Но Лиза уже нажала «отбой». Когда Викентий родился, они еще жили все вместе в огромной квартире на Фрунзенской набережной. Но так уж распорядилась судьба – кстати, мамиными стараниями, – и теперь они разговаривали по скайпу и жили, как говорил папа, на выселках. Хорошо, что сравнительно по соседству.

Лизины выселки были организованы неудобно, странно, разумно. В самом их центре располагался детсад, будто цветочное семечко, защищенное от большого мира сотней оберток, будто солнце, вокруг которого вертелось все. Но чтобы от сада пробиться к автобусной остановке, нужно было все эти концентрические круги блочных многоподъездных домов собой разомкнуть. Стать «Вояджером», летящим в сторону Марса, снег счесть космической пылью, а окна, то вспыхивающие, то гаснущие, – метеоритным дождем... Иногда они так развлекались с Викишкой: отделить первую ступень! – есть отделить! И, чтобы снова не думать, как там сейчас в саду, бьет его Федор или только мутзит, Лиза покрепче сжала в кармане мобильный. Его токи в любую секунду могли превратиться в весть... например, от Юлия Юльевича. Почему от него? Позавчера он ее удивил. Вдруг попросил, чтобы она звала его Юликом:

– Может у старого человека быть свой каприз?

Старым он не был, но и на Юлика не тянул. Она растерялась. А он вдруг сказал, как позвал:

– Ветка!

– Что?

Он молчал, потом стало слышно, как дышит... Наверно, собака потащила его за собой, он звонил лишь тогда, когда выходил с собакой.

– *Что ты делаешь, птичка, на черной ветке?* Помнишь, нет?

– Нет... не помню. – И с трубкой пошла к компьютеру, потому что он снова молчал; погуглив, мгновенно нашла: – *Оглядываясь тревожно?*

И тогда уже он, почти задыхаясь, наверно, собака его понесла:

– *Хочешь сказать, что рогатки метки, но жизнь возможна?*

А она, чтобы расставить все по своим местам:

– Ваше поколение, Юлий Юльевич, – потому что всегда впадала в почтительность, когда не знала, что делать, – читало дамам стихи, наизусть, невероятно! Папа прав, когда говорит, что нас и вас разделяет бездна...

И опрометью извинилась: сначала за папу, потом за бездну, следом – за то, что ее зовет сын (она называла Викентия сыном лишь в разговоре с ним, и почему бы?), а когда добежала стихотворение до конца: – *Неправда! Меня привлекает вечность. Я с ней знакома. Ее первый признак – бесчеловечность. И здесь я – дома...* – испугалась, не зная чего. Вдруг решила, что Ветку он произвел от Елизаветки, и отключила мобильный. Какая, однако, дерзость: *что*

ты делаешь птичка, на черной Ветке? Но утром, найдя в телефоне его эсэмэску: «Стихи на память, во вторник звонЮ-Ю», отругала себя за глупую мнительность – ему просто нужно кому-то звонить, выгуливая собаку по имени Кэррот.

Сесть получилось только в четвертый автобус. До метро от них было близко, двадцать минут пешком, потому-то «двухспальные», с гармошкой посередине, с заносом хвоста в один метр автобусы приходили уже переполненными. Но зато меховые шапки и воротники, от снежных вмятин тревожно живые, по-кошачьи зализанные, казалось, тронь – и царапнут, и подтаившие носы, и серо-махровую наледь на окнах предстояло терпеть не больше пяти минут. Ну а в метро, в самом красивом и тесном метро на свете – уберите с поручня сумку, левая сторона, не задерживаемся, проходим... – можно было уже не бороться, а течь, думая о своем. С некоторых пор (с недавних, но вот бы вспомнить, с каких) она думала о своем на виду у Ю-Ю, то есть с глупой задорной оглядкой: вот чего он никогда обо мне не узнает... вот бы он удивился... вот уж этого не поймет даже он.

Их познакомил Викентий. Кончался сентябрь, день был солнечный, но сопливо-сквозливый. И деревья в их сквере, будто пестрые куры, то и дело вскидывались, пушили и роняли листву. Ю-Ю ехал на велосипеде, а Лиза гналась за Викешкой с кепкой в руке, чтоб непременно надел. А он извернулся, выскочил на дорожку, и хлипкого вида дяденька, от этого резко свернув, свалился на землю. Скрючился и лежит. А когда они его усадили на лавочку, неожиданно ожил. Полуулыбка, от боли несчастная, превратилась в почти блаженную, с которой он попросил ее что-нибудь пошептать. Но что? Ну, например: болящий бок врачует песнопенье... И так глубоко заглянул в глаза, глубоко, удивленно, обыденно, словно в нижний ящик комода, где вчера лежали носки, а сейчас обнаружилась бездна.

А еще ведь была собака (мужчина и его «простая собака»), она бежала за велосипедом, видимо, на почтительном расстоянии и, когда Ю-Ю стал подниматься с земли, ткнулась в него так глупо и страстно, что он едва устоял. А когда они все уселись, Кэррот, будто дрессированная лисица, запрыгнула и примостилась на лавочке рядом. И тогда он сказал Викешке: если ты бросишь ей палку, она тебе ее с благодарностью принесет. С благодарностью? – рассмеялась Лиза. А Викешка: мама, найди мне палку. А собака бросилась под соседнюю лавочку, выцепила из ржавой листвы волан, грязный, рваный (Лизе показалось сначала, что это птичье крыло), принесла, положила его у самых Викешкиных ног. И от счастья Викентий расхохотался. С тех пор они больше так и не виделись, и эта сцена, как в старом кино, от проматывания была пробита до дыр, и перечеркнутые крест-накрест кадрики то и дело сбивали картинку. Но на нее все равно хотелось смотреть: вот Викешка стоит на цыпочках, чтобы забросить волан подальше, Кэррот повизгивает от нетерпения, Лиза ударяет по волану своей плоской сумочкой... и оглядывается, а Ю-Ю уже седлает велосипед, потому что он вспомнил, у него через десять минут appointment, очень важный, по скайпу, with my college from University of Nashville. И ей от этого немного обидно, но совершенно понятно, что он не выпендривается, а просто уже не здесь. И вот он уже уминает педаль, и Кэррот, мотая пушистым хвостом, начинает метаться между хозяином и Викешей, а потом сверкающим штопором ввинчивается в аллею. И они с ребенышем долго смотрят им вслед. Лиза весело спрашивает: знаешь, почему мы не будем реветь? И Викешка на это ловится: и почему же? Потому что мы завтра снова придем, и с собой у нас будет настоящая бросальная палка! Викентий хмуро кивает и реветь начинает только тогда, когда они сворачивают с аллеи.

Ю-Ю не звонил десять дней. Страшно долго. Можно было вообразить что угодно – ушиб, трещину, сотрясение мозга. А когда наконец позвонил, то сказал, что у него все прекрасно, что это типа проверки связи и что после командировки он опять позвонит. И в этой простецкости было что-то ужасно милое. Как будто он был старым другом семьи, приезжал к ним на дачу в Узкое. Та дача давно сторела, а нынешняя, как любой новодел, ни в какое сравнение не шла, но, казалось, Ю-Ю помнил именно ту – со скрипящими половицами, грюканьем ставней, прикро-

ватными ковриками, связанными из драных, нарезанных тонкой лентой колготок, с букетами полевых цветов в родительской спальне, мелко подрагивавших от подземного гула слышных лишь им электричек, и еще с другими букетами, висевшими вниз головой, – тысячелистника и зверобоя под крышей веранды, и пучками пыльного света в рифму к ним – в деревянном клозете из дыр и щелок под потолком. И чердак с журналами всех мастей, от «Трамвая» до «Науки и жизни» и «Нового мира», связанными бечевой картонного цвета и бумажного вкуса – Лиза в детстве любила ее разворачивать и сосать. Да, точно, другом семьи, но не из тех, что приезжали по воскресеньям за гербалайфом, которым мама тогда увлекалась и презентации которого регулярно устраивала, это был хороший приварок, девяностые начались для родителей, двух кандидатов наук, можно сказать, нищетой. Нет, конечно же, Юлий Юльевич был среди папиных много смеявшихся, литрами пивших пиво заветных друзей, вечерами шумно «писавших пулю», но стоило ей вбежать в их прокуренную беседку, и они говорили: не при ребенке! – и обрывали смех или разговор. И только Ю-Ю – дофантазировалась до того, что видела словно воочию – лежал в папином гамаке в своих немодных очках, попыхивал трубочкой, уважительно ее слушал и, словно маленькой взрослой, с почтением кивал.

Метровая давка (недавний Викешкин неологизм – надо записывать, сколько раз себе обещаешь!) отнесла Лизу в сторону, первый поезд пришлось пропустить, а потом крепко стиснула, перенесла с платформы в вагон и прижала к тетеньке в норковой шубе и высокой норковой шапке с маленьким козырьком. Телефон под пальцами вздрогнул, но, сдавленная со всех сторон, вытащить его из кармана она не могла. Дэн?.. Снова мама? Не из детсада же, в самом деле! Не шарахнул же его Федор о какой-нибудь угол? *Мстители собрались...* Когда расстояние между ней и ребенышем становилось критическим – точку невозврата она ощущала, делая пересадку на кольцевой, – Викешка снова оказывался так близко, что влажная духота источала его мятно-медовый пот.

– Топтыг, ты же хочешь быть сильным? – это вчера за ужином, на вилке, которую держит Лиза, кусок тефтелины. – Ну?

– Мумс, я хочу, чтобы у нас завелся настоящий друг...

Лиза кивает. Тефтелина втискивается между зубами и оседает за правой щекой, что почти не мешает ему быть внятным:

– Мамсин, ты ведь помнишь, что нам нужен друг?

– Помню, Топтыг. Я ищу Проглоти и запей! А ты помнишь, что вселенная нас любит?

И что это – сильнее всего.

– Наш будущий друг мог бы полюбить нас еще сильнее.

– Сильней, чем вселенная? Нет, мой хороший. Вселенная нас породила.

– А Федян... а Федян мне сказал... – треть тефтелины наконец-то проглочена. – Только мне и Даше, что мы – от бога. И вселенная тоже от бога!

– Может быть! Пожалуйста, хорошенько прожуй. И запей.

– И что Путин нас любит! – и виновато икает, и пожимает плечами, и ждет.

Лиза пододвигает чашку с соломинкой:

– Это Федя тебе сказал?

– Да. Мне и Даше. А ты как считаешь? – и нарочно дует в соломинку, пока сок не выпрыгивает на скатерть.

«Я считаю на калькуляторе», – отвечает Викешке бабуля, если хочет прекратить разговор. А Лиза так не умеет. И начинает бубнить, что баловаться за едой – «это не есть хорошо».

– Не есть хорошо?! – и хитро смотрит из-под длинных ресниц, и вытаскивает из-за щеки полтефтелины, целует ее и кладет на тарелку.

А однажды он лег на землю и поцеловал пушистую гусеницу, однажды – пойманного у пруда лягушонка. Потому что слов еще не было, а чувства переполняли. Вот такой у нее родился поцелуйный ребенок – непонятно в кого. Его папа был однолетним растением-недо-

трогой, Матвейкой-не-тронь-меня. Ни погладить, ни приголубить. Спать был готов хоть на коврик у двери, главное, чтоб бесконтактно. Секс – по пятницам (чаще – вредно), а потом прыг кузнечиком в темноту. Ну и ладно, Лиза не обижалась, раз ему это было так важно. Просто старалась побыстрее уснуть, а еще как-нибудь так сплести руки-ноги, чтобы их раза в два стало больше – в полусне иногда получалось себя обмануть. Будущий йог и реальный веган – по малости лет казалось, что это невероятно круто.

Поезд резко затормозил. Не упасть. Падать некуда. Пальцы впились в мобильник, как в поручень. Кольцевая. Ей выходить – им с мобильником выходить. А ведь в мобильнике – эсэмэска. Которую надо еще заслужить, а сначала: в такт с норковой тетенькой развернуться, попасть в ногу с тем, кто сейчас впереди, – с парнем, на худосочной шее которого татушка в виде штрихкода (прикольно!), – ощутить, как норковая мадам, тычками вантуза пространство, выгалкивает тебя наружу, наконец шагнуть на платформу и прочитать сообщение, о радость, от Дэна: «срочно поговорить час грабил». Как это? В смысле, пробил? В давке у эскалатора по щекам побежали слезы. Потому что мозг принимает решение минимум за восемь секунд до того, как человек это решение осознает. Ну вот о чем она плачет? О том, что решила с Дэном расстаться? Или о том, что это он так решил?.. Или о неизбежности, а Дэн бы сказал – о презумпции расставания? Не зря он зовет ее Ли. А она их лучшее лето на свете – лиэтом. И стала реветь в ладонь. И только на эскалаторе поняла, что он зовет ее в «Грабли», и написала: «Граблях никак!! мне к часу в ЦО!»

По субботам они целовались, снимали друг с друга одежду, пили вино, занимались чем-то средним между любовью и сексом, позволяя друг другу многое, но не все... и, если он никуда не спешил, болтали – как ни странно, чаще всего о работе. И только однажды договорились до скелетов в шкафу. Это была ее идея – как доказательство и залог, как отправка фоточки с голой грудью мальчику-однокласснику... Голоса от волнения истончились и потекли, будто соты над свечкой, и глупо казалось, что после такого уже невозможно расстаться. Дэн рассказал, как в одиннадцатом классе настучал деду с бабушкой на собственного родного дядю, который и в самом деле тайком сбывал уникальные дедовы марки, Дэн лишь немного преувеличил ущерб, но, поскольку задача была не в спасении коллекции, а в отсечении дяди от наследования дачи... пришедший в невероятное возбуждение дед завещание переписал, с сыном прекратил любое общение, через месяц свалился с обширным инфарктом, это был уже третий инфаркт, и понятно, что дед вскоре умер, как понятно и то, что бездетному дяде дача была особенно не нужна, – тем не менее! Дэн хрустнул пальцами, взял со стула бутылку и влил в себя столько вина, что собственный, в ответ припасенный скелет показался Лизе хитиновой насекомой оберткой. А потом Ерохин ходил голышом по квартире и спрашивал только, чего бы пожрать. Но по его заторможенным жестам было видно, что страдает он не от голода и страдает всерьез. И Лиза не стала рассказывать про своего как бы брата, как бы сводного, как бы нажитого папой на стороне. Если бы да кабы, улыбалась про это мама. То есть пока не будет сделана экспертиза на ДНК, говорить просто не о чем. Так было в их жизни всегда: все не достойное маминых представлений о чести, гордости и достоинстве приключалось с другими. И если папы не было рядом, она называла Тимура гомункулусом, «выращенным в воображении одной неустроенной секретутки».

В последний раз как бы брата Лиза видела на роллердроме, ему было тогда лет пятнадцать, он казался полууродом, полукрасавцем, все худшее и все лучшее в нем разрослось, как в дождливом июне трава, – непролазно, хмельно. Крупная челюсть подалась вперед, а бесцветные глазки в венчике нежных ресниц забрались под надбровные дуги. Он смотрелся кентавром и так же непредсказуемо себя вел. Дважды сшибал Лизу с ног, но в последний момент ловил, при этом загадочно улыбался, но в глаза не смотрел. А когда сшиб ее в третий раз, уже на хорошей скорости, и Лиза вмазалась в бортик – он навсегда исчез. Папа потом сказал, что это было мстью за первородство, и еще сказал: Цаплик, а мы его пойдем и простим. Как бы

брата, подумала Лиза, как бы простим – не вопрос. И лениво пожала плечами, но прострел распахал ей спину от шеи до поясницы. Лиза вскрикнула, папа стоял на своем: и маме мы ведь об этом не скажем?

За время, что она была под землей, над Москвой развиднелось. Воздух мягко светился снегом. Два дерева, только два (и за это спасибо, на Садовом деревья – редкость), осторожно прочерчивали себя посреди белизны, иногда уже только пунктиром.

В кармане вздрогнул мобильный. Голос милого был пугающе деловит:

– Ты знаешь, зачем тебя вызывают в ЦО?

– Понятия не имею. Ты где?

– Паркуюсь у «Кофемании»...

– А-а, – и захлебнулась морозом.

«Кофемания» была за углом, в переулке, и она на всякий случай спросила:

– Мне к тебе подойти?

– Да. Рысью!

И она побежала. Мимо палаток, продававших проездные, чебуреки и пиво пританцовывающим людям. Мимо забивших часть тротуара машин. Мимо дворника-азиата, толкающего перед собой сверкающий лист жестяной, прирастающей снегом лопаты. Два сталинских дома были уже позади, когда в кармане снова вскипел звонок. Если Дэн передумал с ней говорить... Она поскользнулась, рукавом зачерпнула снег с чьего-то капота. Странно, но это звонил Ю-Ю. Раньше он никогда не звонил в это время.

– Ветка?

– Да...

– Я сегодня в час ночи буду на «Досуг. БМ». Позвонишь мне в эфир?

– В час ночи? – и, чтоб отдышаться, замедлила шаг. – Я не знаю... В час ночи!

– Позвонишь! И задашь мне умный вопрос. Частота 97.7.

– Юлий Юльевич, слишком поздно.

Он рассмеялся, как умел только он, звонко, по-детски:

– Не-ет... Нет, Ветка. Все только еще начинается!

Снег в рукаве начал таять. Частота ударов в минуту. Частота гудков в телефоне. Ну да, он повесил трубку. И уже не спросишь, про что передача. Ю-Ю работал на стыке генетики и палеонтологии. Про работу почти не распространялся. Но однажды долго рассказывал, что, кроме неандертальцев и кроманьонцев, на Земле в то же самое время обитали третьи, во многом на них похожие существа, останки которых (на самом деле незначительные фрагменты – вроде зуба или фаланги пальца) недавно нашли на Алтае, а потом расшифровали геном. Это открытие Ю-Ю называл одним из главных событий двадцать первого века. Лиза вытрусилась из рукава несколько зябких капель. Может быть, позвонить в эфир и что-нибудь в этом духе спросить: какую роль вы отводите?... Нет, лучше так: способна ли современная наука зачать в пробирке неандертальца или денисовца? зачать и выносить! если на кроманьонцах лежит вина за их исчезновение, может быть, в этом и есть наше предназначение и торжество исторической справедливости? Но о доказанности вины кроманьонцев Ю-Ю никогда ей не говорил. И все-таки: хомо сапиенсы, истребившие тысячи видов, сегодня стоят на пороге их воссоздания (разве нет?), и ей бы хотелось услышать, как именно ему видится... Ну вот зачем ей ночью звонить в эфир? От этого может проснуться Викешка! В последний раз Ю-Ю читал ей «Большую элегию». В ней было так много глубокого сна и глубокого снега, что поначалу Лиза сочла ее колыбельной, красивой, мальчишеской, вровень с Викешкой, особенно там, где про парус, море и остров. Но «настоящим другом» Ю-Ю быть им, конечно, не мог... Как и Дэн?

Синей «мазды» у «Кофемании» не было. Сердце снова запрыгало, будто взбалтываемый желток. Сердце и есть желток. Как же зимой не хватает цвета! Особенно желтого и зеленого. Синего тоже. Она поднялась на крыльцо, повертелась, здесь здорово дуло, подняла воротник...

Наконец кто-то издали посигналил – с другой стороны переулка. Ей? И побежала – в неположенном месте – хорошо, что не видит мама. И что водитель джипа так вовремя притормозил! И что Дэн распахнул ей дверцу – а иначе как бы она поняла, что надо забраться именно в этот сугроб?

– Поскольку цейтнот, буду тезисно...

Лиза сняла ушанку и на всякий случай вздохнула.

– Я прикрывал тебя, сколько мог. Не свою задницу прикрывал, а тебя! Хотя в компании я – не самая крупная сошка. Пока!

– Пока, – Лиза честно кивнула.

Дэн же от этого только вспылил:

– Ты разумная девочка, читаешь элитные книги! Но в конкретную жизнь ты вообще не въезжаешь!

– Элитарные. Смайл. Элитные – это туры.

Ну допустим, им надо расстаться, допустим... ну а задница тут при чем, его ладная, маленькая, мускулистая, крепче ореха задница, вылепленная словно для Антиноя? И стянула перчатки. Снег падал на лобовое стекло и почти сразу таял. Наверно, поэтому дворники были похожи на весла. А она – на Офелию, плывущую по реке. Есть такая картина у кого-то из прерафаэлитов. А потом почти тот же план Ларе фон Триер повторил в «Меланхолии»: утопленница-невеста – еще живая утопленница с ландышами и в фате. Потому что свадьбы не будет. Заочное киноведческое образование иногда реально мешало видеть вещи, как они есть. Потому что он все-таки любит ее? А иначе зачем так переживать – ведь из-за полной же ерунды: на прошлой неделе Лиза отговорила клиентку от приобретения горящего тура в «Хилтон Фуджейру». Недавно оттуда вернулась семья и прислала им фотки...

Но Дэн был неумолим:

– Ты понимаешь, зачем тебя вызывают в ЦО? Шамратова уже в теме!

– Но там разлив нефти.

– Очнись! Ты в чьей команде играешь?

– Но если в море практически не зайти?

– С пляжа нефть убирается в течение часа!

– А из воды?

– Короче, это косяк. Фуджейра для нас – новое приоритетное направление. А корпорация «Хилтон» – надежный, приоритетный партнер.

Господи, как же ей это все надоело. Она пришла в «Шарм-вож» заниматься их имиджем, пиаром, рекламой и прочей, совсем уже неприличной чихней вроде комментариев на сайтах отелей («пишет молодая пара: нам здесь дико понравилось, условия для отдыха с ребенком выше всевозможных похвал!»), потому что работа рерайтером перестала кормить – мамино издательство лопнуло, экологический сайт приказал долго жить. Но Шамратова постепенно устроила так: хочешь в рекламный тур – работай еще и с клиентами... Правда, только день или два в неделю, но много ли Лизе надо, чтоб накосячить?

– Ладно. Всё. Я пошла! – Потому что говорить о такой ерунде было скучно. – Ты завтра приедешь? – Голос дрогнул, и Лиза словно, нажав «delete», записала сообщение заново: – Я правильно понимаю: тебя завтра не ждать?

Дэн снова вздохнул, у него этих вздохов было больше, чем вееров у гейши. И он ими тоже со значением заслонялся и шелестел. А потом что-то щелкнуло. Это Ерохин заблокировал двери. Но она все равно надела ушанку, обстоятельно, с удовольствием, даже с каким-то жокейским шиком натянула перчатки... Ничего такого уж соблазнительного в ее движениях не было. Но Ерохин выключил дворники, рывком расстегнул молнию на ее сапоге, коснулся плоскостопной ложбинки, чуть щекотно дотянулся до пятки, уткнулся носом в колено – и вот оно, счастье... Удивительной одаренности в этом смысле он был человек. Можно даже ска-

затя, озаренности: чем внезапнее были его касания, тем отчаяннее будили... Снег теперь таял не сразу, сначала он превращался в колкое месиво, чтобы отгородить их от мира, – и Лиза только жалела о том, что надела не те колготки, слишком толстые и зашитые в двух местах. До самодельных швов Дэн, кажется, не добрался, зато ринулся под подол – всего на мгновение и вполне бескорыстно, просто пометить владенья... Но когда открывал ей дверцу, был опять почти деловит:

– Я про завтра еще эсэмэсну. Будь умницей, кайся до слез. Но объяснительной – убейся об стену, а не пиши.

– Почему? – ей хотелось обратно в машину. – Почему?

Было глупо стоять, отключившись, пополам согнувшись – в ожидании, наверно, все-таки поцелуя. Или хотя бы человеческих слов.

– Потому что уволит! – Дэн потянулся через сиденье.

Лиза отпрянула, дверь он захлопнул сам.

Потому что не любит.

Но зато появилось солнце – как-то ведь ухитрилось пробиться сквозь снег, а главное, вот ведь – нашло невысокую крышу и уютно уселось. Вот тебе и желток, Ветка, плохо ли? Плохо, Ли? Неужели теперь она – Ветка?..

Обнаружив себя по колено в сугробе, потому что от Дэновой «мазды» глупо двинулась напролом к тротуару – ну и что? ноги длинные, разве трудно перемахнуть? раз и два! а Ерохин пусть видит, что от него уходит на таких-то ногах – три, четыре... – на счете семь она отряхнула подол. Главное было – не оглянуться. Однажды, давно, еще в декабре, Дэн завел разговор о том, кто как уходит. Сказал, что блондинки уезжают с новым любовником в Ниццу, брюнетки – с предыдущим в Таиланд, а шатенки, единственные способные взять паузу, улетают с подружкой в Египет. Лиза спросила, а как насчет тех, которые освещают волосы хной – не то что имея в виду себя, не то что всерьез... Разве можно о таком говорить всерьез? Казалось, Дэн тоже насмешничает, нежит ее живот, а голос нужен ему лишь затем, чтобы из нежности вить завитки... А он вдруг сказал: которые хной? о, эти нет, сами они не уходят – им хнятся сны, хнятся и хнятся! А Лиза – превращая и это в шутку: им снятся хны? ха-ха-ха! А он: хны-хны-хны! И, послунявив палец, прочертил на ее щеках струйки слез.

Получилось – не оглянулась. Добрела до угла, Садовое уже встало, сверху – с облака или с крыши новой высотки на Павелецкой – оно было похоже на ожерелье из жемчуга. Быть птицей и любоваться обыденным утренним адом... – и заревела. Для бодрости затянула любимую Матвейкину «Рыбу», жаль, на морозе не пелось, а так, рэповалось: *Ты выбежал за угол купить вина, / Ты вернулся, но вместо дома стена. / Зайди ко мне, и мы подумаем вместе / О рыбе, что быстрее всех.*

Вдруг решила, что напишет сегодня Дэну, между прочим, как бы впроброс: но вообще-то в мою жизнь вошел один человек, ученый-палеонтолог (или генетик? ну неважно), и с ним уже столько всякого-разного связано (стоп, это исключено!). Лучше так: мой когдатошний муж надумал вернуться, прикинь, а ведь казалось, что он уже целиком растворился в своем малайзийском ашраме, как и вообще в сознании Кришны, но его чувство ко мне, а главное, к сыну... Господи, что за бред! Во дворе был сплошной каток, и крошечными шажками – это тебе за гейшу – засеменила к офисной, блочной, свечой торчавшей многоэтажке.

На их обычно пустом седьмом этаже оказалось неожиданнолюдно. В центре скопления – Гаянешка, черный каракуль у ног, рыжие кудри дыбом, пальцы в многоступенчатых кольцах птицами рассекают пространство. А вокруг Вера, Ляля и Лика из «Ветра странствий» и еще Ирина Игнатовна из бухгалтерии – слушают не дыша. Значит, в многосерийной Гаянешкиной драме произошел новый саспенс. Пятый месяц беременности и наличие сразу двух претендентов на звание отца (в Москве у Бабаевой был Нодарик, снимавший ей в Зюзино однокомнатную квартиру, а на Родосе ждал жених из тамошней армянской диаспоры) неумолимо приближали

развязку. Всем было ясно какую – греческую, венчальную. Но Нодарик считал, что девочка от него. На самом деле УЗИ показало, что мальчик, однако с мальчиком он ее точно бы в Грецию не отпустил... И уже присматривал квартирку побольше, и чтобы с окнами на восток, по фен-шуй для ребеночка на восток было лучше.

Гаянешкин голос дрожал: решила начистоту, а его нет и нет, ну и реально от страха... Вера с Ликой деликатно попятнулись. Тут Лиза и разглядела синяк, старательно затонированный и дополненный лилового цвета тенями. Ахнула. И Гаяне, сразу же потеряв интерес ко всем, кроме Лизы:

– Мамою клянусь, приняла вот пол столечко! Его нет, я опять вот полстолечко... Уже сплю, слушай, где сидела, там сплю. Тут он приходит: а-а! с пузом? квасить?! Такой правильный, мля! Откуда только и взялся? – Подняла с пола черную длинную шубу и поволокла за собой. – Но как потом дико раскаивался, прикинь, двух уркаганов пришил, когда бизнес свой защищал, у него кулачины – с кирпич, а тут на полу у меня лежит, мои шерстяные носочки целует, и вот как его бросить? – Толкнула дверь в офис, в их тесную комнатку на троих – и подмигнула Брусничной поплывшим глазом.

Маша Брусничная от неожиданности сказала: ё! – и испуганно перекрестилась.

Гаянешка сунула в рот горсть орехов, ее подкармливали теперь всем этажом.

– Мамою клянусь! – получилось почти что членораздельно. – Чисто хотела поговорить...

И поскольку теперь была Машина очередь верить, не верить, вздыхать и кивать, Лиза бегло взглянула на неувядающий постер с пальмами, парусом и шезлонгом, рефлекторно сглотнула при виде бутылочки колы в холодной испарине – в их комнате, как и в детском саду, было всегда перетоплено, – села за комп и нырнула в наушники. В них был Гендель, проверенный и надежный, качественно заслоняющий, но особенно не возносящий. А в компьютере был аврал. Он назывался «Двенадцать причин поехать на Филиппины». К обеду Лизе надо было родить увесистую (развесистую) статью. Пока в болванке причин только шесть: лучшие в мире пляжи; потрясающие коралловые рифы; на Филиппинах практически все говорят по-английски (это третья в мире англоговорящая страна – проверить!); обитающие здесь долгопяты (господи, долгопяты!) – самые маленькие обезьянки на свете... Филиппины – единственное в Азии христианское государство (оставить на пятом месте или перенести на второе?). А с шестого, видимо, стоит начать: россиянам для посещения Филиппин визы не требуется... Кухню тоже бы перегнуть наверх. И придумать цепляющее начало, сказала же ей Шамратова при знакомстве:

– Мы должны в первую голову завоевать молодежь, всех этих хипстеров-лобстеров, мальчиков-эмо, девочек-ванилек, и тогда их мамы, папы, бабульки – за ними следом, гуськом, ползком!

«Наикрутейшие вкусовые впечатления приятно шокируют вас», – пальцы напечатали это сами. Они уже многое могли сами. Теперь осталось включить мозги.

«Удивительные вкусовые впечатления придутся по нутру не только бывалым гурманам». Стоп, сначала: «Филиппины – это вкуснейшие впечатления для тех, кто жаждет кулинарной новизны. Неповторимо приготовленная рыба лапу-лапу – поистине фантастический этносюрприз, созданный природой и человеком».

Хорошо, что папа этого никогда не прочтет. Бедный папа, что бы с ним было? В шесть Лизиних лет он читал ей «Хроники Нарнии», в семь – «Алису» и «Поллианну». «Алису» она тогда поняла своеобразно: вот что бывает с непослушными девочками (не с маминкой ли под-сказки?). А статью Поллианной ей захотелось безумно, чтобы радоваться всегда, даже тогда, когда причины для этого нет, – научиться ее находить! И на первом же подвернувшемся дне рождения, у соседского мальчика, когда один из гостей разломал его башню из лего, она предложила плачущему хозяину найти что-то радостное и в этом, ну, например, что теперь мы все вместе можем ее собрать! – в ответ мальчик с воем Лизу поколотил. Теперь уже горько рыдала

Лиза, а дух Поллианны витал над ней и твердил: но зато сейчас придет твоя мама и заберет тебя от этих скучных детей, хвастающихся друг перед другом брелоками и вкладышами из жвачек... Впрочем, Лиза ревела даже тогда, когда мама везла ее в лифте домой. И вечером специально по этому случаю призванный папа сказал: играть в Поллианну с другими людьми не стоит. В Поллианну можно играть только с самой собой. И еще он сказал, что умение радоваться тогда, когда радоваться будто и нечему, есть проявление одного из лучших человеческих свойств – чувства человеческого достоинства. Но с другой стороны, понимаешь ли, Цап, то же чувство достоинства мы ведь предполагаем и в другом человеке, не так ли? Видимо, Лиза кивнула не слишком решительно, и мама сказала: ну для чего все так сложно? откуда ей знать, что такое достоинство? А папа ответил: конечно, от нас. И предложил, чтобы Лиза нашла корень в этом, наверно, пока непонятном ей слове, он в чем – в стоимости, в умении стоять на своем? А Лиза сказала: я знаю, я знаю, корень – в достаче, ну это когда человеку всего и так достает, а больше уже ничего и не надо... И папа, закинув голову, громоподобно расхохотался.

И как-то потом через жизнь это все протянулось: скажешь шепотом, что в достаче нет недостачи, и папа все сразу поймет. А ты идешь дальше по жизни с этой своей «достачей», и она тебе помогает оставаться собой. И про пропавшее стеклышко из бабушкиных очков говоришь не как сначала решила, а как все и было: это не Пушок лапой в щель, это я отдала мальчишкам повыжигать на заборе. И вместо страха и ужаса на душе почему-то легко.

Мотя тоже тянул ее в это «легко», но с другой, подветренной стороны: в самом начале совместности он устроил ей курс про «жизнь как сейчас», для попадания в которую надо было, во-первых, дышать особенным образом, а во-вторых, очистить сознание от мыслей, желаний, страхов, надежд – как небо от облаков. Курс был ускоренным, Матвейка развесил в их комнате и на кухне желтые стикеры (папа их называл дацзыбао): «спонтанность и интуиция – две ноги, ведущие к Дао», «завтра – лучшая отмазка от Дао», «рефлексируй, строй планы, надейся – и Дао разминется с тобой». Лизе был тогда двадцать один, Моте – почти девятнадцать. Но он уже знал, для чего ему жить, только не знал, где и на что. И Лиза сказала: конечно, у нас. Он казался ей рыбой в сверкающем панцире чешуи, устремленной на нерест – нерест себя, он и пел ведь тогда все время про рыбу... Поначалу он жил в ее комнате как друг и домашний божок. И это было запредельно чудесно, это было как счастье (хотя о личном не было и помина) – проснуться от сладкого запаха благовоний и увидеть сверкающего Матвея (он натирал себя в ванной каким-то целебным маслом, но Лиза об этом еще не знала и думала: этот свет идет у него изнутри) – в позе лотоса, в позе дерева или в стойке на голове. Ну да, среди ночи он что-то утаскивал из холодильника, с кулинарно-маминой точки зрения, концептуальное, ломая все ее планы на завтрак и ужин. Но планы – это ведь от лукавого, завтра – лучшая отмазка от Дао. Просто мама не хотела расти, а Лиза только о том и мечтала.

Они познакомились с Мотей на занятиях по контактной импровизации и партнерингу. У Лизы был тогда сложный период безработицы, растерянности, разлада с собой и, как следствие, с собственным телом. Оно раздражало нескладностью, худобой, неприкаянностью, ненужностью... Лиза могла часами бродить по городу, ни с кем ни разу не встретившись взглядом, уверенная в своей призрачности и прозрачности. И вот она – на четвертом или пятом занятии, и вот в коротких штанишках и тесной футболке он (Мотя тогда еще рос и до смешного быстро из всего вырастал), остроносый и остроглазый, их ставят в пару, до этого ни с одним из партнеров у Лизы не получалась ничего, кроме кашеобразной возни, неловких касаний-толканий... А уж от этого типчика, у которого все торчком (и острые скулы, и волосы ежиком), Лиза не ждет ничего. Но случается чудо. Он реагирует на каждый ее посыл не только всем телом, кажется, что и всем существом. А потом вдруг и ей становится весело отзываться на его приказы-касания, она делается тачскрином – его и больше ничьим. На восьмом занятии их называют самой контактной парой, а на девятом неожиданно разлучают, чтобы они учили других... Мотя учит, он для этого создан, спустя полгода он соберет уже группу сам. А Лиза без Моти, как цапля в

скороговорке, чахла, сохла – хорошо хоть не сдохла – от «контактных несовпадений» с каким-то Димой, с каким-то Петей. А еще была Варя Бубнова, тетенька лет пятидесяти, с длинными, музыкальными пальцами на ногах (она в самом деле могла ими сыграть на фоно «Ах, вы сени, мои сени») – кстати, с Варей почему-то было полегче... В конце концов Лиза из группы ушла, зато Мотя стал жить у них, а она – просыпаться от счастья.

Счастье – это так просто. Просто будь в теме. Чем не слоган для тех, кто решил отправиться на Филиппины? Рядом с номером девять Лиза поставила рисовые террасы, «еще одно чудо, созданное филиппинской природой и человеком более двух тысяч лет назад». И оглянувшись, и невольно стянула наушники. Гаянешка в солнцезащитных очках, от волнения подпрыгивая, кивала, смеялась и всхлипывала:

– Он растет, Теванчик, как он быстро растет! Он тебя слышит уже. И говорит: папа, папа, когда ты нас забереешь? – и посылала в комп воздушные поцелуи: – Я тоже... люблю, люблю-люблю, скучаю-скучаю-скучаю! – губы дрожали всерьез, слезы лились настоящие.

Лиза с Машей переглянулись: веришь? – верю! – я нет. Маша верила только в бога, а Лиза – в то, что Гаяне никогда не врет, просто у нее разорванное сознание. Новым тому подтверждением был ее страусиный вскрик:

– Я вечером телефон не беру? Я работаю, как раб на галерах! Так работаю, глаза ничего не видят! Пусть девочки скажут! – и, схватив шарик камеры, развернула его на них: – Ну? – это уже одними губами и еще раскручиваемой рукой. – Ну же!

Лиза от неожиданности помахала невидимому Тевану двумя вихляющими ладошками. А Маша, наоборот, сложив руки, словно в мольбе:

– Ребята, берегите друг друга, и будет вам счастье! Как же я за вас рада! Привет острову Родос!

Гаяне расплылась, подмигнула... Шарик камеры прижала к губам и стремительно отстранила, дав ему заглянуть в вырез блузки:

– Очень-очень люблю, очень-очень скучаю!

Под увертюру из «Ипполита и Арисии» – струнные увлекали за собою валторны, а те лишь тревожились и клубились, не посягая на внутренний мир, – Лиза стала гуглить оставшиеся причины: десятая – это дайвинг, рафтинг, серфинг, каякинг... И как-то вдруг оказалась на сайте «Досуг. FM». Юлий Юльевич Кан (ага, значит, он Кан... ю-ю, кан-кан), кандидат психологических наук и доктор биологических, на фоточке на себя почти не похожий (или это Лиза его так мало запомнила?), натужно ослабившийся, с волосиками, зачесанными на лысину от правого уха и до левого, будто циклон, накрывший Атлантику, пучеглазый, как долгопят – но по-своему милый, кроткий, можно сказать, застенчивый, – он просил своих сегодняшних слушателей задавать на сайте любые вопросы: как о прошлом человечества, так и о будущем – вот это масштаб! – и у Лизы, как на экзамене, исчезло из памяти даже то, что она помнила еще утром. Написать же хотелось безумно... и подписаться Елизавета Карманникова. Он прочтет и будет гадать: она или не она?

Правда ли (я где-то читала), что наскальные рисунки животных (скачущие лошади и бизоны в разных позах) – это прообраз кинематографа, в том смысле, что эти рисунки, выхватываемые факелами из темноты, двигались, как мультяшные? В старших классах, Ю-Ю, я реально сходила с ума, так мне хотелось быть при кино, кем-нибудь, кем угодно. Ну то есть потом, естественно, режиссером, а сначала – хоть девочкой с мегафоном или хлопушкой. У нас во дворе однажды снимали кино, и почему-то все время народ разбрелся по клумбам, а девочка с мегафоном периодически завывала: на площадку, работаем! Но что-то у них постоянно ломалось – народ снова рассасывался. И мама сказала: теперь ты увидела своими глазами, что кино это – балаган. Единодушие моих родителей постигало не часто. Но тут они встали китайской стеной. А я все равно подала документы сначала на режиссерский – провалилась в первом же туре. Папа тогда откупорил шампанское: погоня за «Оскаром» отменяется,

да здравствует жизнь. Но я-то как раз и мечтала о жизни – такой, как тогда во дворе, чтобы расслабленно, врозь, по клумбам, перилам, ступенькам, а по свистку – как дельфины, все на своих местах, у каждого свой маневр и каждый выкладывается по максимуму... Ты, наверное, знаешь, что девяностые подкосили науку – и папу в науке, и с тех пор он одним студентам преподает, а другим помогает писать дипломы. Но самым существенным делом на свете ему кажется... достойное проживание. А тебе, то есть – вам?

И закрыла радиный сайт.

Перед Машей сидела распаренная клиентка, значит, сидела давно и нудила:

– А если у меня мать попадет в больницу – тоже не форс-мажор?

– Тоже, – кивала Маша, едва сдерживая зевоту.

– А если ребенок? Не приведи Господь! Пятилетний ребенок!

– Это тоже не форс-мажор.

– У нас с вами разные представления!

– А знаете что? – Маша сделала вид, что ее озарило. – Мы ведь можем оформить страховку от невыезда. И вы будете абсолютно спокойны.

Лиза ей улыбнулась, осторожно, одними глазами, чтобы не сбить ее с верного тона, и выскользнула за дверь. Во-первых, было пора выпить кофе, во-вторых, выгулять шерстяное черное платье с белым воротником, облегающее, на десять сантиметров выше колена, в меру дресс-кодовое, в меру секси. В конце коридора у автомата померещился Дэн. На стене, рядом с планом эвакуации – таракан... не померещился, нет, резво бросился к плинтусу. Захотелось ускориться, как и он, но в руке забился мобильный. А в нем голос мамы, растерянный и напористый: обстоятельства таковы, каковы они есть, и родители тоже имеют на это право... Лиза остановилась. На что – на это? Связь в коридоре иногда пропадала. Оказалось, что завтра папа хочет пойти на митинг, на Болотную площадь, а прогноз погоды на завтра – минус двадцать пять! Отпустить его одного в такой ситуации крайне опасно, еще одного воспаления легких папа может не пережить.

– Вы пойдете с белыми ленточками? – Лизе ведь надо было что-то ответить, а мама обиделась:

– Это делается, между прочим, ради будущего – бокрѐнка и твоего! – Щеки в такие мгновенья мама обычно втягивала и закусывала, как удила, и дышала от этого, словно неслась галопом.

И сразу стало понятно, что ей тоже хотелось пойти. Они ведь однажды уже ходили, в конце декабря и тоже за честные выборы, и оба были в неумном восторге (нас было минимум семьдесят тысяч, если не восемьдесят, а может быть, и все сто! а сколько было прекрасных лиц, Цап, молодых и прекрасных!), словно проснулись спустя двадцать лет, а вокруг все до жути родное: оцепление, танки, ГКЧП... и надо срочно куда-то бежать и прикрывать молодыми телами демократию и свободу.

– Папа уже написал плакат. Ты представляешь папу с плакатом? – мамин голос неумело заластился.

– И что же он написал?

– «У свободы нет плохой погоды». Алё!

– Я здесь.

– Здесь и молчишь!

– Мамочка, я буду мысленно с вами.

– А сейчас ты мысленно с кем?

Строгость в Лизин голосе иногда помогала:

– Я сейчас на работе!

– Кстати, знаешь, какое существительное англичане произносят чаще всего?

– Нет.

– Time.

– Это суперски! Time! А я побежала!

Старая хроника с Ростроповичем в Белом доме, нескладно вешающим себе на плечо автомат, доводила маму до слез. Папа при этом совал ей платок, гладил ее по спине и влажно сверкал глазами. Наверно, это и есть любовь? А Дэну Лиза напишет: у родителей не срастается. И демонстративность разрыва ненадолго отложится. Что по-своему и хорошо.

Мамино «чао» повисло около трубки, трубка в воздухе... Ерохин посреди коридора о чем-то любезничал с Гаяне. Если отправить ему эсмэску сейчас, он выхватит телефон, и Лиза по выражению его спины все поймет: он рад, он взволнован, он чувствует то же, что и она? А она чувствует только одно – как смертельно ей надоело чувствовать, но больше она ничего не умеет. Пить кофе категорически расхотелось.

– А почему у вас тут написано... В пункте 4.13. Я не понимаю! – все та же распаренная упрямством и духотой клиентка продолжала допытывать Машу, будто Лиза не уходила на целую вечность.

А Маша на это, как истинный профи, тепло улыбалась:

– Мы этот пункт сейчас прочтем вместе. Вслух. Я вас не очень задерживаю?

В наушниках нежно грустили струнные. Одиннадцатым пунктом Лиза вписала Манилу – город-коктейль, город-калейдоскоп: с историческим центром, взятым под охрану ЮНЕСКО. А про трущобы – какие трущобы? ах, те, в которых обитают шестьдесят процентов жителей Филиппин, – ни послова, это не наш формат, организованный турист в них все равно же не попадет.

Вернувшись Бабаева припудривала синяк, от старания доедая помаду, и вот уже красила губы – словно на целую жизнь вперед, сжимала, растягивала, по-верблюжьим ими играла, поправляла мизинцем, рисовала опять. Тоже, кстати, дитя трущоб. Убежав от бакинских погромов в Тверь всей огромной семьей – Гаянешка показывала им с Машей фотки, – они жили на какой-то заброшенной фабрике. И хотя у старшего брата сейчас был киоск, а у отца – небольшой магазинчик, Бабаева и теперь им посылала все, что могла: левой рукой беру – правой даю (три младшие сестры родились уже в России).

Я – Нодар, подумала Лиза, я хочу эту женщину, непредсказуемую, пылкую, юную, страстную... Я – Теван, я люблю эту девушку, в ней так много застенчивости и искренности, а сколько в ней еще не разбуженной чувственности!.. Я – Гаяне, и я сделаю свою жизнь достойной надежд моих близких.

Я – Лиза. По жизни я, можно сказать, не вру. Но сейчас у меня такая работа... Я Ли... и я Ветка, я папина Цапелка – и ни в одном из имен меня нет. Я – мамсин и мумс, я Викешкина сердцевинка... Он придумал недавно для нее колыбельную, когда ей самой для него сочинять было лень: мамсин – мой слоеный пирожочек, моя творожная серединка, и в ней изюмная сердцевинка, мамсиновый мой бережочек, дружочек, любимый стишочек! Лучше, чем с ним, не бывает ни с кем. Но сама по себе – я кто? Папа считает, надо спрашивать: для чего? я – для чего? И отвечать: для чего-то большего, чем то, что умею сейчас. Но разве в умениях дело? А если не в них, то в чем?

Битый час просидевшая перед Машей клиентка наконец надевала куртку – насупленно, суетливо проверяя карманы. А потом долго рылась в сумке. И еще от двери вернулась поискать на столе и под стулом – оказалось, перчатки. Маша тоже глядела невесело – значит, не сговорились. Лизе несколько раз попадались такие же, вероятней всего, безденежные, приходившие, как в дорогой магазин, просто так – примерить и возбудиться. Их, безрадостных, тоже можно было понять. Но Маша здорово огорчилась, захлопнула за клиенткой дверь и пошла за шкаф, где у них стоял тайный стул, на котором не только Маша, теперь все чаще и Гаяне, умудрялись на пару минут вздремнуть и реально взбодриться.

По ночам Маша шила потрясающие игрушки, меховые, матерчатые, а престарелая мама их продавала возле метро. Потому что у Маши был пьющий муж, две дочки-погодки, ссорящиеся между собой до рыданий и ссадин, и вечно слезящиеся глаза. Но когда Оля жаловалась ей по телефону на Юлю, а потом звонила Юляша и жаловалась на Олю, Машины глаза замирали, в них становилось тихо, будто на дне. В такие минуты Лиза тайком в них посматривала. Они были очень красивыми в такие минуты – полупрозрачные, льдистые, вдруг наполняющиеся каким-то нездешним цветом и светом – то ли прощения, а может, только терпения.

Решив, что двенадцатой филиппинской причиной будут цены (и они, ясен пень, вас по хорошему удивят), Лиза глянула на часы, метнулась к началу – было слишком пора придать тексту законченный вид, – когда охнул мобильный: «еще можно меня спросить: как вы относитесь к эволюционной этике?»

Оказалось, Ю-Ю писал ей и раньше: «ты в порядке?», «набери альтруистическое поведение животных». Удивительный человек – так волноваться перед тысяча первым эфиром. Написала: милый Ю-Ю... Но тут оказалось, что Шамратова на этаже – позвонила Вера из «Ветра странствий».

И Лиза испуганным эхом:

– Шмара! Здесь. Идет к нам.

Гаянешка метнулась за шкаф и за руку вывела Машу, не Машу, а зомби – один глаз открыт, но не видит, второй зачехлен и подрагивает, досматривая сон. А сама уже унеслась в коридор – как бы радоваться долгожданной встрече. Даже подобоострастие в ее исполнении имело праздничный вид. Лиза зачем-то расправила челку – интересно, ее будут чихвостить при всех? – а из хорошего то, что гора явилась сама и Лизе не надо ехать в центральный офис. Стерла «милый», вписала: вы только не...

На пороге стояла Шамратова, задорная, важная коротышка, сияющая беспричинно, природно, как бриллиант, даже если лицо ее было серьезно (считалось, что у нее туча денег, муж – важный министерский чиновник, две нефтяные скважины, якобы в Африке, а туристический бизнес в короне – стеклянная страза, а девочки из соседних агентств говорили: для отмывания денег). Гаяне рассказывала Шамратовой, как много они с Машей на этой неделе успели и что клиенты явно приходят в себя после зимних каникул и снова готовы – хоть куда! Маша стояла навытяжку и горячо кивала. И, кажется, делала Лизе какие-то знаки. А Лиза их видела, но в себя не впускала, потому что ведь надо же было что-то еще написать Ю-Ю. Наконец до нее дошло, о чем Маша сгибает ладонь: ей следует встать, ведь все же стоят. И Шамратова перед ней – любознательным сурикатом:

– Через десять минут жду тебя в переговорке! Ты телефон хоть когда-нибудь из рук выпускаешь? – И, не нуждаясь в ее ответе, вполоборота уже ко всем: – Девочки, думайте, кто из вас завтра пойдет на Поклонную. От вашей комнаты по минимуму – один человек!

– Там митинг, да? Мне Ерохин сказал. За Путина, да? Против оранжевой угрозы! – Гаяне с пониманием вздохнула и поникла: – Раиля-джан Фаридовна, мне простудиться нельзя. Я сейчас в таком положении!.. Можно я в офисе поработаю?

– Можно, детка. В этом офисе только ты и работаешь.

Дверь за Шмарой всегда закрывали другие, сейчас это сделала Маша и – сдавленным шепотом:

– А остальные здесь что?

Гаянешка стала резко дозваниваться в какой-то отель и требовать подтверждения брони. А Лиза и Маша встретились взглядами и одновременно выпалили:

– Завтра я не могу!

И хотя это было довольно смешно, рассмеяться не получилось.

Маша хмуро сказала:

– У меня билеты на детский спектакль. У меня у Юлечки день рождения!

– А я родителей отпустила, – честно сказала Лиза. – И обратно дороги нет.

А Гаяне, уже забронировавшая отель и опять набиравшая чей-то номер:

– Путин такой хороший. Девочки! Я б сама за него пошла!

– Замуж? – фыркнула Маша.

И Гаянешка, чувствуя важность минуты, – в трубку:

– Ой, повисите, пожалуйста! – и, закрыв ее узкой ладошкой: – Вы обе что, не въезжаете, да? Вам как в Египте надо? Чтоб по улицам бегали и убивали? Вы кушать будете что, киндерам в клюве понесете что? – И без зазора в микросекунду: – Катичка, ты? Моя ты хорошая, не узнала, за олигарха выйдешь! Настю дай. Настичка? Солнце мое! Мне еще два местечка на тот же charter. Умоляю!

Лиза резко нырнула в наушники – струнные протяжно сходили на нет. На сцену выступил хор, распеваящий, казалось, не звуки, а королевские вензели. Почему-то Рамо сегодня тревожил, как никогда. Оттого, что почтовый ящик был пуст? В нем лежало только письмо от Натуши, подруги детства. Она колесила по Кубе вместе с Антохой. И Лизу немного взбудорила мысль о том, что на Кубе сейчас была ночь, зеленое море казалось черным, как и черно-белые люди, как и желто-белый песок; королевские пальмы шумели, их серебряные стволы светились, притягивая луну... и она, притянутая, была непомерна. Натуша писала ей потрясающе подробные письма, потому что фоточки к ним не цеплялись, на Кубе был доисторический интернет – там, где в принципе был.

А потом вдруг в аське обнаружился Дэн. В аське они просидели весь март и апрель – весной, которая между ними называлась «бессной», они только в ней и сидели. В аське он назывался Gеrарd'ом, она – Tіnу-Lее.

Хор умолк... Стайкой птиц налетели флейты, предвкушая появление Дианы.

G е r a r d. Как меня слышно? Прием.

T і n у-L е е. Прием.

G е r a r d. Завтра никак.

T і n у-L е е. Без вопросов.

G е r a r d. По-твоему, наши отношения себя исчерпали?

T і n у-L е е. По-моему? Или по-твоему?.. Или?

Дэн замолчал, он всегда делал несколько дел параллельно. А Диана уже вплетала свой голос в звучание оркестра, была одним из его инструментов, и только. Если не покидать сверкающей капли «сейчас», жизнь почти одолима...

G е r a r d. Ты была моей территорией свободы.

T і n у-L е е. Почему была?

Но он снова закрылся веером. Потому что устал. Он обложен со всех сторон обязательствами. То мама в больнице, то пасынок колобродит.

T і n у-L е е. Мы не хотим поссориться? Мы хотим лишь отменить нашу встречу?

G е r a r d. Ё, да ты подвинулась на сексе!

T і n у-L е е. Чтоooooooooooooooooo?

G е r a r d. Мне херово, мой китайчонок Ли, мне реально херово!

T і n у-L е е. Что я могу сделать? Скажи!

G е r a r d. Фак! Я не хочу платить такую цену за всё, чего я хочу. Вот ты же не платишь!

T і n у-L е е. В смысле?

G е r a r d. В смысле свободы.

T і n у-L е е. Но я и хочу другого.

G е r a r d. Ия его знаю?

T і n у-L е е. Дурак. Я хочу быть собой.

G е r a r d. Бла-бла-бла.

T і n у-L е е. В любой ситуации. Для меня это – не бла-бла-бла.

G e r a r d. Ладно, всё. Через пять минут выдвигайся в переговорку!!

T i n y-L e e. Ты уже там?

G e r a r d. Советую вызваться на Поклонную.

T i n y-L e e. Нет, не мое.

G e r a r d. Пошли! Сфоткаемся на память.

T i n y-L e e. В смысле?

G e r a r d. Велено зафиксировать явку и скинуть наверх.

T i n y-L e e. Афигеть!

G e r a r d. Потом позажигаем.

T i n y-L e e. Где?

G e r a r d. Up 2 you.

Даже так! Только от человека начнешь уходить, а он такой подзабыто милый.

G e r a r d. Всё! Выбегай!

Написала: «ага!» И осталась на месте. Почему-то казалось, что от резких движений чувства смешаются, что лишь в неподвижности можно понять: она с ним? они вместе? она без него? он всего только славный или родной? родной как муж или брат? Услышала, как Диана, на что уж девственница, пропела «Гатоиг»... От двери оглянулась. Бездонная Машина синь плескалась тревогой. И Лиза сказала:

– Нас сталкивают. Маш, я этого не хочу.

И Брусничная, обнадежившись:

– Следовательно?

– Не хочу. И всё! – и улыбнулась, кажется, получилось тепло.

Пробежка по коридору – в новом платишке, на немаленьких каблуках – незамеченной не осталась. Две уроненные челюсти юристов-стажеров, вздох седенького Алексея Борисыча, скучавшего в синем халате в дверях своего аптечного склада, а сразу за лифтами – грубый хапок незнакомого парня в спортивных штанах – что он здесь делал? в ногах огромная сумка – продавал косметику, книжки, краденые айфоны?

В переговорку влетела разгоряченная и без стука. Это было ошибкой. Дэн сдвинул брови и тут же уткнулся в какой-то листок.

– Извините! – схватилась за спинку стула. – Срочный текст... извините.

Стол был длинный, словно дорожка для боулинга, и слова по нему катились так же медленно, как шары, и с тем же негарантированным исходом.

– «Двенадцать причин»? – догадалась Шамратова. – Ты их отправила?

– Не успела.

– Значится, не успела. С креативщиками это бывает, – тон у Шмары был скорее доброжелательный. – Ты ведь у нас креативщица, так?

– Я? Ну да, типа...

А Раиля, вдруг чему-то обрадовавшись, ударила по столу ладошкой, словно фантик перевернула:

– А слоганы нам скреативишь?

– Слоганы?

– Мы на Поклонную с плакатами и шариками пойдем, – и так хорошо улыбнулась, что стало понятно: завтра у нее праздничный день, как у родителей, только праздники разные.

– Карманникова, я тут по наитию набросал, – Дэн что-то отметил в своем листке. – Но требуется твой продвинутый взгляд, – и осторожно проверил глазами: она здесь, она адекватна?

«Адекват – не наш формат». Лиэтом это звучало пьяняще и нежно. Лиза вечно шла не туда, но всегда со словами: я точно помню! – так они заблудились в Серебряном Бору, так – на

Васильевском острове, а однажды и в ГУМе... Но где оно, это лиэто? Зимний Дэн тонкогубо бухтел:

– «Хватит с нас перестроек!», «Нам по ПУТИ»... Внятно, что каламбур? «Нет болотно-оранжевым выборам!», «Мы за великую Россию!»... Я бы «великую» написал капслоком.

Шамратова с чувством кивнула.

Странно, что раньше Лиза этого не замечала: узкие губы не шли его мраморно вытесанному лицу. Губы его и сейчас предавали:

– «Оранжевые начинают и проигрывают!», «Голосуем и сердцем, и разумом»... вот как-то так... – И, разгладив листок, Дэн опять попытался ей что-то сказать резким, как фото-вспышка, взглядом: что это такая ролевая игра, как на тренинге, помнишь, на «Братиславской», я – продавец стиральных машин, ты же ищешь для своего ресторана посудомоечный аппарат, но я обязан продать тебе свой товар, это моя работа. Зато в следующую субботу у нас будет офигенно другая игра... малыш, китайчонок, игр по-любому должно быть как можно больше, чтобы жизнь удалась.

– ...чтобы он отвечал специфике! – А это уже говорила Шамратова, взволнованно, убежденно: – Чтобы в нем была увязка с рынком туристических услуг, с высоким призванием, которое мы понимаем прежде всего как поднятие культуры наших людей.

– Завтра начинается сегодня? – спросила не Лиза, а эхо, живущее в ней.

Шмара хлопнула по столу ладошкой:

– Можешь! Давай еще.

– Гроза двенадцатого года настала – кто тут нам помог? Остервенение народа...

Дэн поперхнулся, закашлялся до синих вен на висках. Надо было, наверно, его выручать. Но папин голос все равно оказался громче: как там у нас с достачей, Цап? не верю, что недостача! И для храбрости громко и высоко Лиза вывела:

– Кстати, завтра я не смогу! Мне ребенка не с кем оставить.

– Как это не смогу? От вас, значит... что – Брусничная будет?

– Маша тоже завтра не может.

– Девки, да вы чиво? – Шамратова, будто кегли, раскинула по столу удивленные руки, будто медленный Лизин шар наконец докатился до цели.

Кстати, да: а цель была в чем? Перевести ее на полставки, на удаленку? Глупая Шмара, перечислив все Лизины прегрешения, включая опоздания на десять, пятнадцать и, страшно сказать, восемнадцать минут, попыталась этим ее напугать.

Бедный Дэн шевельнул ушами:

– Карманникова, ты уж переформатируй свой завтрашний день. Покажи, что ты мыслишь корпоративно.

– Я мыслю логически. Как все нормальные люди.

– Карманникова! – Дэн опять поперхнулся. – Я... я вынужден! Это ты меня вынуждаешь. Но тут у Лизы на поясе заерзал мобильный.

– Извините!

Он был в черно-белом винтажном мешочке, Лиза связала его крючком специально под это платье, вид был суперский. Но иногда шнурок переклинивало – как сейчас. Пришлось извиниться еще раз. Ерохин pokrылся испариной.

– Мы уже все обсудили? – Шнурок наконец поддался. Это звонил Ю-Ю. – Извините. Алё! Мегаважный звонок... – и оказалась за дверью быстрее, чем он ответил.

– Алё, – кажется, он улыбался.

И Лиза, она неслась на девятый, прыгала через ступеньку:

– А, лё! А, лё! А! Лё! – не звуками, быстрыми выдохами.

На девятом царили китайцы, возили тележки с тюками от лифта и к лифту. Грузовой работал только на них – и к этому все давно привыкли. Тюки шевелились, словно живые,

китайцы носились как заведенные. У них тут был небольшой (по китайским меркам, конечно) вещевой склад. Говорили, что и чердак забит под завязку и что если, не дай бог, пожар... Но вещи сюда прикупить забегали, особенно Маша для себя и для девочек. Дойдя до окна, Лиза уселась на пол, непонятно зачем – просто день был такой... От китайских вещей здесь всегда пахло химией, а от пола еще и хлоркой. Ю-Ю почему-то молчал. Но дышал. Лиза тоже дышала. А потом от этого стало неловко, и Лиза спросила:

– А у вас на работе не заставляют идти на Поклонную?

Он не ответил. Как-то блеюще рассмеялся и замолчал.

– А нас заставляют. Прикинь! Я не пойду!

Он опять рассмеялся и шепотом повторил:

– Прикинь.

– И на Болотную не пойду. А ты? Ты, наверно, пойдешь? Можешь сколько угодно молчать. Я уверена, ты пойдешь. Я уважаю твой выбор. Я уважаю любой выбор. Но и мне, мне тоже оставьте право на... быть собой! Алё?

– Алё...

– Ты только не думай, что мне все фиолетово. Если я не иду – это не значит, что фиолетово. Это значит, что я – это я. Алё?

– Алё.

– Я, знаешь, что поняла вот прямо сейчас? У моей мамы из воспоминаний детства есть одно самое страшное. Когда она была октябрёнком, их старенькая учительница заставляла каждого выйти к доске и при всех рассказать, что ты в себе ненавидишь сильнее всего. И в какие сроки перед лицом своих товарищей обещаешь это исправить. Потому что учительница росла в детдоме, она не знала своих родителей, и было это сто лет назад, еще при Сталине! А моя мама этим ударена до сих пор. И наша шефиня – вообще на всю голову! И это не лечится, Ю!

Он тихо, как ослик, всхрапнул:

– И ты тоже – уоу.

Куда-то они неслись, в какую-то бездну – пустым ведром. С мечтою о полноте? Цепь гремела, ведро колотилось. Он молчал. Китайцы толкали тележки, только пятки сверкали. А возле лифта друг с другом столкнулись и сразу же раскричались – они всегда ругались, как дети, горячо и без злости. Вот и сейчас коротко взвизгнули, а потом стали вместе запихивать на тележку свалившийся тюк. Потому что буддисты, даже если сами об этом не знают.

– Что-то я еще хотела тебе сказать.

– Ветка-Заветка... – он прошептал это, словно с соседней подушки.

И это было, пожалуй, уже чересчур.

– Юлий Юльевич, вы просто так позвонили?

А он еще по инерции:

– Завещанная... от века.

– Надеюсь, у вас все в порядке? – Она поднялась, потому что, когда стоишь, голос всегда деловитей: – А у меня тут проблемы по ходу жизни... Ссора с любимым и все такое. Один стресс приплюсовался к другому. И надпочечники мощно вбросили в кровь кортизол – гормон, как мы знаем, негативно воздействующий на мозг.

– До-фа-ми... – показалось, что он пропел, правда, сильно сфальшивив. – Это был до-фа-мин. Тебе продиктовать телефон прямого эфира?

– Мне сейчас нечем его записать. Извините. Ни пуха!

И отключила мобильный, и опять уселась на пол, хотя кортизол, как известно, вызывает мышечную активность. А вот дофамин, второе название – гормон счастья... Почему-то хотелось вот так, обхватив колени, сидеть до самого вечера или даже до ночи, до самой его передачи. Его голос и есть – до-фа-ми... И он это понял. И, кажется, этому рад. Ну и что? Просто день сегодня такой. А она – завещанная от века... Неужели он это сказал? Лиза попро-

бовала засунуть мобильник в чехол, но шнурок опять переклинило. Счастье – это открытость другому... и открытость другого – тебе. И отправилась прошвырнуться по китайскому этажу. И замерла перед единственной на всем этаже приоткрытой дверью: три китайки в скучных серых халатах, не мигая, застыли над пластмассовыми тарелками. Наконец догадавшись, что Лиза не к ним, не с проверкой и не с поборами, они вновь зачастили зубами и палочками. И от этого даже немного запахло имбирным соусом с чесноком.

– Приятного аппетита!

Ей хотелось, чтобы они в ответ улыбнулись, но две из них, более зрелые, – возможно, они просто не понимали по-русски – продолжали с деловитым прихлупом поглощать коричневую лапшу. А третья, почти еще девочка, решительно поднялась:

– Шьмиоткьи, тняпкьи?

– Нет, извините. Это обычно Маша, моя подруга... Я – нет.

А китайка уже манила растопыренной кистью к себе:

– Купитья?

– Я потом, я лучше в понедельник приду. С деньгами!

– Тиньгами! – обрадовалась, разулыбалась и от этого стала совсем старшекласницей. – Хойосё, иходи.

Престарелый китайский вождь, аккуратно вырванный из журнала, – престарелый, но моложавый, напомнивший чем-то Ю-Ю, во-первых, очками, а во-вторых, ну да, моложавостью, – смотрел на них со стены, приветственно подняв руку. И Лиза тоже ему помахала, и этой маленькой с толстым носом, но такой симпатичной девчонке. А потом шла и думала: вот куда она только что заглянула? Виновато листала блоги с фоточками филиппинских трущоб, а сейчас она была где? Говорили, что некоторые из здешних по три месяца не выходят на воздух, ночуют на чердаке, работают вахтовым методом...

А у Ю-Ю можно будет спросить, как давно человечество разделилось на расы. И почему в человеке другой телесности, культуры, ментальности, цвета кожи ты с первого взгляда различаешь его доброту, глупость, ум, деликатность?

В офисе было все то же: Гаяне припудривала синяк, Маша подбирала отель, только тетенька перед ней сидела другая, солидная и недоверчивая, с мутоновой шубой в обнимку. Маша ей:

– Давайте я все-таки вашу шубу повешу.

А тетенька:

– Мне удобно, не беспокойтесь! Значит, вы советуете Фуджейру?

А Маша, коротко, но с нажимом глянув на Лизу:

– Я – предлагаю! Индийский океан, отель пять звезд, огороженная территория...

Гаянешка смешно закатила глаза (она как-то так умела, что один глаз смотрел строго вверх, а другой косил к переносице), а потом ткнула пальцем в кулон на цепочке и одними губами сказала: Нодарик! И написала Лизе по аське: «Прям щас с машиной прислал, классный, да? золото – это любовь высшей пробы:))» И, опять выглянув из-за компа, поболтала кулоном, как колокольчиком.

А я зато – Ветка-Заветка, подумала Лиза. Не любовь, что-то очень другое, что огромней любви – но что? – надвигается на нее и... этого человека с полуседой головой и мальчишеским голосом. И теперь им в этой огромности плыть, безвоздушной, текучей, как океан. Или все-таки пронесет?

«Двенадцать причин», обретя недостающие запятые и уточнение про шопинг-моллы, улетели в ЦО из рабочего ящика, а в собственном, Лизиним, обнаружили три письма. Два от Ерохина легко получилось проигнорировать. Третье, папино, оказалось не по-папиному простым.

«...Хочу верить, мы не слишком ломаем твои планы на завтра».

«...Если 4 марта Москва проголосует честно, страна изменится! Они должны уяснить, карусели и вбросы в Москве уже не пройдут... Для этого нас должно быть не меньше ста тысяч!»

А ей-то мерещилось, что у родителей завтра праздник.

«Существует вероятность, что Запад энный путинский срок не признает. Но это будет означать одно: железный занавес не опустится, он упадет, произведя эффект гильотины...»

Господи, да они – как в последний бой!

«Сейчас происходит много нелепых споров, уводящих от главного: нужны ли партийные колонны либо достаточно единой, общегражданской; нужен ли митинг (я тоже думаю, он – пустая говорильня, еще нет нужных слов, их еще некому артикулировать), или многотысячное шествие окажется красноречивей (несомненно!); как относиться к участию в шествии националистов (не без терпимости, но и не без отвращения, ни в коем случае не становясь под их знамена!). Из-за подобной казуистики начинает ускользать смысл происходящего, цель наших действий: выборы новой Думы, принятие новой Конституции, которая сделает невозможной власть диктатора!»

Как, однако, у них это все далеко зашло. Лиза мало за этим следила. Но затеялось-то вот-вот – в декабре.

«Цап, никогда ни о чем подобном тебя не просил. Но поскольку мы оказались сейчас в точке бифуркации, а это всегда крайне короткий период (день за год): разошли друзьям эту ссылку. Ссылайся непосредственно на меня: папа попросил, не смогла отказать. В ссылке – место и время шествия (4 февраля, Большая Якиманка), а также ссенного букафф”, которые, думаю, убедят и твоих ровесников тоже. Иначе – упущенный шанс для нескольких поколений. И неизбежность реакции.

Сорри и смайл. Твой Царапыч».

По жизни такой спокойный, голубоглазый и мудрый, как небо (а Царапыч – это из раннего детства, потому что возьмет на руки, прижмется щекой и – колко), уж настолько не читатель газет, не глотатель пустот и от Ельцина фанатевший недолго, как он сам говорил, не больше трех лет, все кончилось на расстреле парламента, – папа впал в агитаторство и активизм... и ссылку прислал на какой-то газетный сайт. Но статья вслед за папой рассылателем писем счастья – это было решительно невозможно. Однако и отказать безотказному папе как? Из памяти выплыло целиком, хотя она тысячу лет его не вспоминала, стихотворение, которое папа читал ей на даче чаще других. И так захотелось его образумить – им, а больше, казалось, и нечем:

То, о чем искусство лжет,
Ничего не открывая,
То, что сердце бережет —
Вечный свет, вода живая...

Остальное пустяки.
Вьются у зажженной свечи
Комары и мотыльки,
Суется человечки,
Умники и дураки.

Папа любил с равной страстью Георгия Иванова и Владимира Маяковского. А мама считала, что эта пара может ужиться только в сознании, страдающем несварением. Папа на это ей отвечал, что поэзия воспринимается сознанием в последнюю очередь. Дача тогда еще не сгорела. Значит, Лизе было не больше одиннадцати. Сушь стояла в то лето невероятная, сушь и бедность. И надо было возить от колонки воду на тележке в больших бидонах, доставшихся

от недавно исчезнувшего колхоза, и поливать, поливать, поливать картошку, морковку, лук, а в маленьком целлофановом парнике – огурцы. Папа был в этом смысле не слишком прилежен. И однажды, когда мама вернулась из недельной командировки (она тогда еще работала в главке и инспектировала сельские библиотеки), оказалось, что огурцы «по папиной милости» задохнулись, колорадский жук доедает картофельную ботву, а кротовые норы, не залитые водой (это уж было точно не по рассеянности, а по милости), обещают гибель всех плодовых деревьев. Но мама никогда не ругала папу по существу, почему-то так между ними было заведено, по существу она роняла лишь вежливое замечание, а спустя полдня вдруг обрушивалась, отыскав посторонний повод – либо высоконравственный, либо интеллектуальный. Потому что ей не пристало стенать из-за какой-то картошки. И мама стонала о том, что не может технарь, пусть трижды доктор наук, пусть четырежды академик (а папа был тогда еще кандидат, правда, главные наработки для докторской уже сделавший), говорить о поэзии с таким превосходством в присутствии профессионала-филолога! Лиза стояла возле калитки, хлопала комаров на шее, плечах и разбитых коленках, прислушивалась, не покачивается ли у нее грудь (а она уже вылучилась, но еще не покачивалась), и ждала, когда наконец за ней прибежит Натуша. Она была старше Лизы на два с половиной года, и Лизу могли вместе с ней отпустить – даже и в этот закатный час. А папа вдруг выскочил на крыльцо, размахивая какой-то книжкой:

– Риша, а вот уже не технарь, а его любимый поэт... Угадаешь какой? *О, нет, не обращаюсь к миру я / И вашего не жду признания. / Я попросту хлороформирую / Поэзией свое сознание.*

Мама, в этот момент что-то впотьмах поливавшая, закричала:

– Ну Маяковский, что дальше? Дальше-то что? Не уел?

– Ришенька, попробуем со второй попытки. Ну? Кто мог так срифмовать: «к миру я» – «хлороформирую»?

– Вознесенский мог! Кто-нибудь из футуристов второго ряда!

И Лизе вдруг стало мучительно ясно, что с Натушей ее сейчас не отпустят, а грудь не вырастет никогда, потому что мама сегодня сказала: ну что ты там все время рассматриваешь, будешь пялиться – так и останутся два прыща.

С Лизой мама никогда особенно не церемонилась, все высокое оставляя для папы. Потому что маме хотелось ему понравиться? Для одиннадцатилетней особы это было настолько смелое предположение, что Лиза закрыла глаза: понравиться для чего, понравиться как? Мамины крупные формы показались ей обтянутыми майкой и леггинсами не случайно, а соблазнительно-неприлично. И тут еще папа с какой-то странной нежностью произнес:

– Ришенька, это Георгий Иванов. Ну, иди... я тебя поцелую.

И мама скрежещущим голосом:

– Лиза, что ты делаешь у калитки? Караулишь?

И папа превиновато:

– Разве Цапенки не у Осьминских?

А Лиза, выбив калитку плечом (в сушь она заедала), уже неслась не понимая куда. Поняла – через три переулочка, возле забора Ярика, своего любимого мальчика. А заборы в те годы были сплошь из штакетника (дырчатые, как сказал бы Викентий) – добежала, прижалась, осела. Над головой увидела черную гроздь калины – черную абсолютно – и только тут поняла, до чего же темно и страшно, а фонари на редких столбах не горели, и, значит, домой она не пойдет, не дойдет, а заночует под этим забором дворнягой, замерзнет, был август, простынет... Из темноты неуверенно вышла кошка со слюдяными глазами. А за штакетником кто-то заныл: ну тушка... А потом послышались вздохи и как будто борьба, или нет, только вздохи, и голос Ярика, неприятно расплывчатый и срывающийся: ну тушенька-а! А эта самая тушка (ведь не Натушка же? не может быть, чтобы Натуша!) с упрямым сопением: нет, нет... Наконец, на Лизино счастье, зажегся фонарь, а потом и еще один – на три дерева ближе к дому. Их свет

был неяркий, слюдяной, ледяной, кошачий, но Лиза бежала на этот свет – от фонаря к фонарю, от «тушеньки» к «Ришеньке», от недозволенного к запретному... И как же горько рыдала – рыдала о чем? – хотя дома ее никто не ругал, закутали в плед, напоили чаем с вареньем, только что сваренным из соседской малины, ходили на цыпочках, заглядывали в ее угловую, под лестницей комнату (папа прозвал ее цапельницей за то, что она была «чуть больше пепельницы и чуть прохладнее вафельницы» – Лизу это ужасно сместило), – кажется, она так и уснула на полувсхлипе. И что ей был этот взрослый, наверно, пятнадцатилетний уже Ярослав, он же Ярчик – его папа был ректором института, в котором Лизин папа преподавал, и, Лиза это случайно подслушала, сдавал институтские площадки, ни с кем не делился и прекрасно имел – что имел, Лиза не понимала, но папа ей уже объяснил, что иметь – это элементарней, чем быть, и к тому же хуже для человека и его души, а Натуша недавно сказала, наоборот, что мужчина имеет женщину, и даже в Библии говорится, что это офигительно классно! Так о чем же Лиза ревела в ту ночь? Тогда ей казалось: о том, что у Яриковой кошки от старости слюдяные глаза, потому что в них – бельма, и это у кошек уже не излечивается.

Спустя года три у Натуши и Ярика раскрутился нормальный взрослый роман. А Лиза дружила с Натушей даже крепче, чем прежде, и сохла по Ярику куда сильнее, чем в одиннадцать лет, и как-то все это длилось из лета в лето. У Ярика параллельно развивались еще и другие истории. Натуша замечать их в упор не хотела. Лиза смотрела на них с растерянностью и тоской, а спустя какой-нибудь год – почти с пониманием: волоокого Ярика, диджея и серфингиста – суперского, если судить по фоткам, которые он вешал в Сети, – было нельзя не любить. И когда Натуша сказала: все, с меня хватит! – Ярик уже сидел на сильных наркотиках и был повернут только на деньги, как их добыть и опять уколоться, – Лиза решила, что кто-то же должен его спасать. И переехала к Ярику. Добытчица денег из нее была никакая, детокс посредством классической музыки ничего, кроме бешенства, у клиента не вызывал, лечение травами тоже – деньги, которые получалось перехватить у родителей, Лиза тратила на покупку сборов у хмурого знахаря с шершавыми бородавками на руках, привозившего травы из Прикарпатья. Стаканы с отваром регулярно летели в Лизину голову, успевай уворачиваться, и она почти всегда успевала. От кулаков уворачиваться было сложнее. В бешенстве Ярик ничего не соображал, но потом у него обычно случался припадок, похожий на эпилептический, а у Лизы уже так классно получалось разжимать ему ложкой челюсти и вытаскивать наружу язык. И волочь его на коврик до дивана теперь тоже почти не составляло труда – Ярик высох, как сырная корка, пролежавшая зиму под батареей. И голос погас, у него же был глуховатый, а все-таки в музыкалке поставленный баритон. В пору дачных сезонов – четыре-пять дней рождений за лето случались уж точно – они с Лизой озвучивали мультфильмы из советского детства: без звука проецировали их на белый экран и по ходу дублировали, подглядывая в шпаргалку. Лучше Лизы никто не придумывал реплик, лучше Ярика их никто не произносил. Под Шапокляк обычно подразумевалась Натушина бабушка, она же председательница садового товарищества, под паровозиком из Ромашково – почему-то Лизина мама, под котом Матроскиным – основательный Яриков папа... И взрослые не обижались. А в конце капустника взрывались реальной овацией, и Лиза с Ярчиком полоскались в ней, будто шарики на ветру. От волнения они крепко держались за руки и кланялись во все стороны. А однажды так и выбежали в темень двора. Ярик притиснул ее к забору, стал шарить под лифчиком и бормотать: моя девочка, жаркая моя девочка, жди меня, жди только меня. И отпрянул, вспомнив, наверно, про ее малолетство. А Лиза по той же причине стала глупо и пылко ждать.

Ну и вот, дождалась – от злости всаженного в плечо шприца, пустого, давно отработанного, загнанного так глубоко, что пришлось среди ночи нестись на такси через пол-Москвы в круглосуточный травмпункт, где ее сначала бог знает чем напугали, а уже затем помогли... И когда она переехала от него навсегда (ей казалось, что драматически и что Ярчик будет ее искать), этого просто никто не заметил.

А потом как-то вдруг умерла бабуля. Кончался сентябрь, и в Соликамске вовсю валил снег. Они же приехали от растерянности налегке. Маме вполне подошли большие бабулины вещи, залатанные, заштопанные, но главное, мамино пятидесяти второго размера. Папа что-то прикупил в магазине, а Лизу решили из дома не выпускать, не морозить. Да и вообще не подставлять под ненужный удар. Они держали Лизу за нежный цветок, а Соликамские им были скорее чужими. Бабуля тут оказалась лет пятнадцать назад, выйдя замуж за мужа своей рано умершей подруги. Изредка приезжала в Москву, а родители к ней – почти никогда. В общем, Лизу оставили дома разбираться с архивом – фотографиями, пачками писем и почетными грамотами за беззаветный труд и высокую профессиональную подготовку призеров конкурсов юных пианистов, районных и краевых. Это было так неожиданно и по-своему круто, но приходилось делать немаленькие усилия, чтобы эту круть совместить с пожухлой старушкой на фоточке, заслоненной стаканом водки. И фотографии Лиза выбрала радикально не те, которые хотела бы увезти с собой мама, и телеграммы («люблю, приезжай», «устал без тебя») были тоже не те, не от бабушки, а от Соликамского мужа – и все потому, что Ярик не отвечал, хотя Лиза его набирала каждые десять минут. И всю дорогу из Соликамска в Пермь она тоже старалась до него дозвониться, но теперь мобильный был отключен, чего раньше не было никогда. И ни о чем другом думать не получалось – даже под бубнеж скуластенькой тетки, сидевшей в автобусе через проход: так похожа на Анну Петровну, за километр очевидно, что внучка, и уже ведь приехала, а не уважила, щепотки земли не бросила, тепла пожалела. И хотя родители всё-то пытались эту звонкоголосую тетку унять, папа сдержанно, мама пожестче, но тетка уже сама взвинтила себя до слез тем, какая Анна Петровна была золотая к ее дочке и к сыну тоже, сколько своей души в них вложила, за сына просила, когда его из нормальной школы выгнать хотели и поставить в милицию на учет, какой он необычный и одаренный ребенок – и помирилась с родителями только на том, что с температурой тридцать восемь и три на похороны не ходят. Эту версию мама предложила не сразу, но в этой отяжке было столько сдержанного достоинства, что папа поддакнул и скорбно вздохнул. Лицо у Лизы в самом деле горело, глаза слезились, пальцы дрожали... И да, чего больше всего боялась, то и произошло: Ярик умер от передоза за день до бабулиных похорон. Как сказала по телефону Натуша, совместил *приход* и уход. И добавила, что с наркошами так иногда бывает. И еще сказала: не вздумай реветь, ему там от этого только хуже.

Несколько следующих дней расплзлись в зыбкий черный мазок, будто кисточкой с тушью полоснули по широко раскрытым глазам, и они потекли. На Троекуровском кладбище запомнились только машины с какими-то важными шишками, все черные, вылизанные, как на витрине, и стайка водил, с оглядкой куривших, с оглядкой посмеивавшихся над какими-то байками... И как на поминках Ариадна Эрастовна, бабушка Ярослава, задыхаясь и прыскавая аэрозолем в рот, сказала: его надо было спасать, и вы, вы... друзья, обязаны были бить в набат, а иначе какие же вы друзья? А Натуша, сидевшая рядом, тихо, чтобы расслышала только Лиза, буркнула: хы, самим бы было спастись... И это правоту Ариадны Эрастовны лишь усугубило. А потом старушка вдруг подошла и погладила по голове некрасивую девушку (Лиза еще на кладбище удивилась, что за чумичка, почему вся в черном до пят, даже лента в тощей косичке черного цвета) и сказала: одна Катенька была рядом, одна Катенька не предала... И девушка, как по команде, зарыдала в платочек. А Ариадна Эрастовна громко и со значением: тебе нельзя плакать, детка, вот тебе-то сейчас и нельзя! Натуша, сделавшая от Ярика четыре аборта (два еще в школе и два потом), сказала: фигасе. А Лиза хлопнула рюмку водки и задохнулась якобы от нее. Отчего бы еще? Месяц их с Яриком как бы совместности был только про *не смешимой тапочки, у твоих родителей, но, нет лавэ?*

Интересно, кто-нибудь уже догадался, кроме свадебных туров, выставять на продажу туры скорби? А туры разбитых сердец? «Шарм-вож» предлагает пакет «наедине с печалью», семь дней/шесть ночей – Иордания, Петра: они страдали еще отчаяннее тебя... Содом и

Гоморра, взгляни – и мимо! Или: ваши сороковины, один день и две ночи – на острове Вознесения.

А Маша, тем временем с кем-то вздохавшая по мобильному, вдруг прижала трубку к груди:

– Лизок, так ты завтра идешь?

Получилось уверенно помотать головой.

И трубка, будто пудовая, трудно двинулась к уху:

– Нет, Олюсин, праздника не получится... Переносится праздник... Тише, тише. А ты скажи Юлечке: не надо разводить сырость! Ей завтра ангел-хранитель подарок принесет. Она проснется и, ах, какой подарок. А будет хлопнуть, ангел-хранитель в сырость не полетит!.. Дай ей трубку. Юляшек мой золотой! Ты моя любимая девочка... И Олечка тоже любимая... А у ангела-хранителя ты одна, самая-наисамая! – и опять посмотрела на Лизу – с таким всепобеждающим торжеством, что Лиза от неожиданности кивнула и зачем-то полезла в нижний ящик стола – ни за чем, чтобы слушать оттуда: – А какая ангелу-хранителю радость сильнее всего? Олечка подсказывает? Ну-ка, ну-ка... Правильно она говорит: Юляшино смирение.

В нижнем ящике, кроме папок, были цветные закладки-липучки (их когда-то привез ей Дэн из рекламника, красные, синие, желтые – настоящая детская радость, и Лизина тоже всего полгода назад):

– Можно я их передам в подарок Юляше? – и вынырнула наружу.

– Ты уже сделала ей подарок, – Маша горько шмыгнула носом, закинула голову и стала капать в глаза что-то бесцветное и слезно проливать через край.

Маша – хорошая, добрая, честная. И прекрасная мать. В отличие от е-Ли-за-Ветки... Ветки-При-ветки... Ни один человек на свете не знает, что ее так зовут. Только один и знает, и от этого почему-то сносило крышу. И чтобы не зареветь – но о чем? – погуглила: Юлий Кан. И сразу столько всего оказалось: «Палеонтология будущего», «Неандертальцы разговаривали и пели?», «Генография – проект планетарного масштаба»... Стало стремно открыть – и ничего не понять. Но хотя бы услышать голос! Расхрабриться и просто ткнуть наобум: «Однако как нам быть с этим порывом навстречу желаниям другого, нуждам другого?»

Ого, подумала Лиза, похоже на гадание в новогоднюю ночь. А вообще это было его выступление на междисциплинарной конференции по биоэтике – выступление перед залом, от этих слов, как и она, наверняка притаившимся: «И как нам быть с радостью, которую мы испытываем, уступая незнакомцу место в метро или под зонтом? Я знаю девочку, не отличавшуюся ни безрассудством, ни ловкостью, однажды забравшуюся на высокое дерево, чтобы спасти котенка. Это был безумный и напрасный порыв: так и не добравшись до жалкого попискивающего существа, девочка упала, сломав обе ноги, заработала трещину позвоночника и три месяца пролежала в гипсе. Но когда я спросил у нее, сделала ли она из произошедшего выводы, не станет ли столь же безрассудно поступать впредь? – девочка ответила: не знаю! если он будет снова так несчастно мяукать, я ни за что не ручаюсь. Эта девочка – моя дочь. И сколько бы ни писали эволюционные психологи о начатках кооперации и альтруизма у бактерий и насекомых, выводя человеческий альтруизм из “интересов рода”, в глазах этой девятилетней девочки светила душа – “давно разоблаченная морока”? Нет, то единственное, что не выводимо из законов целесообразности, законов живой природы. Душа, главные свойства которой – целостность, щедрость и храбрость, – самым счастливым из нас врождены...»

Вот ведь как он, оказывается, хорошо говорил. А с ней почему-то все больше вздыхал и заслонялся стихами. Невероятно!

«...Магическое мышление способствовало выживанию в ситуациях постоянной опасности на ранних стадиях антропосоциогенеза... – это Лиза уже бежала глазами по какой-то его специальной статье, как короткая нитка за быстрой иглой, то и дело из игольного ушка выскакивающая. – У неандертальцев преобладало символическое мышление, основанное на ассоци-

ативных связях зрительных образов, что так же косвенно свидетельствует об их потребности в ритуале... «

Кажется, он и у неандертальцев пытается найти душу! Только ли альтруизм, а что, если вера в загробное воздаяние понуждала их заботиться о беззащитных сородичах? Чему примеров не счесть: беззубый скелет старика свидетельствует о том, что близкие пережевывали для него пищу; скелеты пожилых по тем меркам людей, страдавших тяжелыми формами артрита, доказывают, что продление минимум на несколько лет их жизнью, для рода уже бесполезных, в неандертальской среде не было редкостью.

Надо же, как ему хочется их любить... их вместить и понять. В науке, наверно, это самое трудное – постижение любовью. Риск заблуждений возрастает в разы. Как и в жизни? Но в жизни точно от этого никуда не деться.

Лиза вернулась на сайт «Досуг. БМ». Сердце тут же ветково застучало.

«Хочу вас спросить о неслучившемся человечестве... Представим, что кроманьонцы по какой-то причине исчезли, следовательно, у неандертальцев появилась возможность выжить и заселить планету. Мой вопрос: какой бы она была сегодня, сейчас?»

Слева что-то происходило. Надо было ударить по «enter» – но слева происходило странное. И оглянулась. Гаянешка рассерженно засовывала в косметичку пудреницу, расческу, помаду:

– Чо-то мне, девки, херово. Голова болит та-а-ак!

Маша мелко перекрестилась:

– Сотрясение, наверно.

– Да ладно! Типун те! – и рванулась к двери. – Пока Раиля не слиняла, отпрошусь, е-мое, и чо с головой?

– Или Нодарик внизу? Сауна, шашлычок. По пятницам после обеда одни придурки работают.

Гаянешка неловко развернулась на шпильках:

– Ты чо щас сказала? – И почти упала на Машин стол: – Ты думаешь, я не знаю, как ты стучишь? Как сраный дятел – на меня, на нее, на всю бухгалтерию! Это Кармашка не знает, она с неба свалилась. Думаешь, свечку поставила и все отмолила, да?

– Кто бы тебя отмолил? – Маша смотрела на кончик носа, как в упражнении для глаз, налево, направо и снова на кончик носа. – Иди уже, прости... Господи!

– Пусть Он тебя первее простит, Маша-джан! У меня по ходу жизни другая загвоздка – Ему грехи отпустить! – и, наконец отлипнув от Машиного стола, Гаянешка зачиркала зажигалкой. – Где он был, твой боженька паникадиловый... когда меня, дитя четырехлетнюю, бензином облили, поджечь хотели? – и затянулась, и выдула из дыма змею, нарочно вихляя большими губами. – Меня папа отбил, с ружьем прибежал... И еще потом – все четыре дня, пока нас на пароме не вывезли – знаешь, чо было? Людей из окон, как мусор, выкидывали, не людей, так, армяшек... Потом пять лет за одной занавеской одиннадцать человек жили. Вода – два часа в сутки. Уборная на дворе. Может, твой боженька за уборной шифровался?.. Меня там трое парней зажали, я в пятом классе, они в седьмом: черножопая, отсоси.

Обнять Гаянешку получилось не сразу, она размахивала сигаретой, вбивала в пол длинные каблуки и нанизывала на дымную струйку всё новые беды.

– Бог или Вселенная, кто-то ведь есть! – Лиза пыталась утащить ее в коридор. – Кто-то же поселил в тебя твою детку!

– Нодарик или Теван... – тупо сказала Маша, разбитая в хлам всем на нее свалившимся.

И Гаянешка подпрыгнула и рванулась обратно, будто Викентий, утаскиваемый от мультфильмов в кровать. А все-таки Лиза выволокла ее сначала в предбанник, потом в коридор, прижала к стене:

– Счастливей тебя сейчас никого! Поняла? Счастье – это когда есть смысл! Смысл просыпаться целую жизнь, прикинь. И оправдание всему, что было! И что еще будет...

– И чем сердце успокоится? – Гаянешка выскользнула из рук и с жадностью затянулась. – А они тебя не уволят? С кем я тут дорабатывать буду? – и вдруг, притянув к губам Лизино ухо: – Нодарик внизу. Никому! Я понеслась! Шубу потом поднесешь? – И уже на бегу: – Я моментом! Мобилку не занимай!

Рыжие кудри взметнулись протуберанцами, локти размахисто заходили, как при спортивной ходьбе, вязаная юбчонка сбежалась, задралась к ягодицам... Что-то на это сказала бы Маша? А Алексей Борисыч спешно выпшагнул из аптечного склада – и застыл, глядя вслед Гаянешке, будто опоздавший пассажир – уносящемуся «Сапсану», постоял, поднял руку и уронил.

В предбаннике перемигивались две лампочки-доходяги – ватт в сорок, не больше, Раиля сэкономила не только на их зарплатках... Маша опять общалась по телефону или с Олечкой, или с Юляшей. Шмыгала носом, покусывала платок, рассуждала о премии, если ее дадут, то тогда можно будет купить и леггинсы, лучше черные, да, дочуня, черные и под кожу, отчего ж не купить, если будет на что!

Лиза села за комп. Покрикивающий, а порой и покрывающий дуэт Федры и Ипполита взрывал третий акт. Почему-то после Рамо уже никогда не писали вот так: тревожно и бес-тревожно, бесстрастно и страстно разом. И вдруг поняла: потому что случившееся случилось, предначертанное сбылось – не во времени, в вечности, – каждый звук у Рамо пел об этом, стонал, дребезжал, звенел. И в этом было так правильно быть – модерировать комментарии, появившиеся на их сайте, снова гуглить про Кана, не понимать, идти ли в понедельник ей на работу, не идти, но работать на удаленке? или ехать в центральный офис за расчетным листом?

Через комнату опрометью пронеслась Гаянешка, выхватила из-за шкафа свою черную бурку, на обратном пути весело погрозила Лизе маленьким, пестро окольцованным кулачком и унеслась. Видимо, Лиза пропустила ее звонок.

А к Маше, слава богу, зашел клиент, «не вип, но вполне себе виповатый», как сказала бы Шмара. Снял малахай, кажется, из койота, снял полушубок и тут же из длинношерстного алеута превратился в обаятельно неуклюжего, лохмато-русоголового, наверно, ровесника... Двинулся к Лизе, даже успел улыбнуться, но Маша строго остановила его, указав на стул. Вдруг показалось, что они тысячу лет знакомы. И он тоже присел и несколько раз оглянулся – чтобы вспомнить? или понравиться? Неужели вся жизнь только из этого и состоит? Ее глупая жизнь, получается, да. Плюс еще из тоски по Викешке и ворочанья мертвых слов. Но теперь ведь еще и из встречи – разве нет? разве да? – а если это только ей показалось?

Прилетевшая эсэмэска на мгновение ошеломила: «Бокренок у нас. Отъедается. Утром вернем», – но почему же без спроса? и чем это он отъедается? как обычно, до диатеза?

И нашла у Кана статью про говорящих шимпанзе и горилл. И с изумлением обнаружила: про антропоидов он писал с той же сдержанной нежностью, что и про неандертальцев. Давно, в середине семидесятых, получая первые сведения о поразительном опыте обучения шимпанзе, мы не сумели ни оценить масштабов произошедшего, ни толком в прочитанное поверить... Теперь же, друзья, – Лиза только тут поняла, что попала не куда-нибудь, а в его личный блог (у Ю-Ю был блог!), – вслед за нашими западными коллегами... Перепрыгнула через абзац: итак, антропоиды легко обучались амслену – языку американских глухонемых, в их словарь входили названия предметов, личные имена, обозначения действий, они могли описать свое эмоциональное состояние (больно, страшно, смешно), они давали оценки увиденному или узнанному (жаль, хорошо, плохо). Дальше шла череда примеров, любой из которых станет праздником для Викешки. И особенно этот: когда приятель знаменитой гориллы Коко по имени Майкл порвал ее любимую куклу, Коко разразилась спонтанно сочиненным ругательством: «Ты грязный плохой туалет!»

Викешка на этой фразе шумно сползет с дивана! И понесет ее в сад?

Даже немногословная Люси (шимпанзе, обладавшая крайне скромным словарным запасом) с поразительной находчивостью давала имена предлагаемым ей предметам: чашку она назвала «стекло-пить-красный», не понравившуюся редиску – «еда-боль-кричать»...

Если бы это писал не Ю-Ю, Лиза бы точно решила, что это фейк.

Рядом с клавиатурой почему-то белела визитка. А за нею то ли в еноте, то ли в койоте переминался молодой человек и как будто бы от души улыбался, но смотрел с какой-то щенячьей тоской. Она затягивала в себя, словно ряска, еще миг – и не выбраться... Надо было что-то ему сказать? Нет, взять визитку: «Студия “Просто праздник какой-то”, семейная, детская, свадебная фотосъемка».

Получалось, что он полчаса обволакивал ее взглядами, чтобы себя пропиарить? Нормально. Четко. Реально. Это она протупила. Он-то думал всей головой. И Лиза сказала:

– Спасибо. Если что – сразу к вам.

И снова зарылась в экран. Но нить потерялась. Зато оказалось, что про обезьян у Ю-Ю написано пять или шесть постов. Пост про Люси назывался «Трагедия в джунглях». А длиннейший – о говорящей горилле Коко – «Юбилей»: не забудем ее поздравить, друзья, 4 июля 2012 года Коко исполнится сорок, у нее есть свой сайт, есть страница в Фейсбуке..

На часах было десять минут восьмого. Маша, в своей перламутровой дутой куртке похожая на пикирующий дирижабль, пронеслась из-за шкафа к двери и с громким хлопком исчезла. И от этого стало грустно и хорошо. Нет, хорошо оттого, что про обезьян можно будет читать до самого вечера, перемещаясь короткими перебежками от одного удивления к другому...

«Люси, жившая у Мориса и Джейн Темерлинов практически со дня своего рождения, каждое утро кипятила воду, заваривала в двух чашках чай и ставила их на стол. Но самое обаятельное из того, что мы знаем об этой маленькой обезьяньей девочке, – ее умение хитрить. И самое поразительное – умение раскисаться. Приведу ее разговор с воспитателем Роджером Футсом. В описываемой ситуации Люси не успела воспользоваться туалетом. После чего и произошел следующий диалог:

П р о ф е с с о р. Что это?

Л ю с и. Что это?

П р о ф е с с о р. Ты знаешь. Что это?

Л ю с и. Грязь, грязь.

П р о ф е с с о р. Чья это грязь?

Л ю с и. Сью (аспирантка).

П р о ф е с с о р. Это не Сью. Чья грязь?

Л ю с и. Роджера!

П р о ф е с с о р. Нет! Не Роджера. Чья грязь?

Л ю с и. Грязь Люси, Люси. Прости Люси.

Двенадцатилетней ее вывезли в Африку, в Гамбию, в надежде вернуть в естественные условия обитания. За Люси присматривала нанятая Темерлином студентка по имени Дженни Картер. Наблюдение и опека растянулись на восемь лет, большую часть из которых Люси прожила в лесу, не сразу, но все же вписавшись в колонию проживавших здесь шимпанзе и даже заняв в ней главенствующее положение. Тем не менее во время последней встречи Люси прожестиковала Дженни: «Забери меня отсюда». Такой возможности ни у Картер, ни у четы Темерлин не было. Спустя полгода Люси погибла – как полагают многие, от рук браконьеров».

Читать про обезьян немедленно расхотелось. Но зато, повертев визитку, Лиза вдруг обнаружила на обороте: Александр Сергеевич. Да это же Санька по кличке Пушкин и Крестьянин-Торжествуя, потому что в его неуклюжести всегда было что-то крестьянское и в тяжело-ватой челюсти тоже. После шестого класса мать отправила Сергеевича к бабушке куда-то под Краснодар, чтобы успеть, «пока молодая, устроить жизнь». Интересно, устроила? А Люси? В парком и варком вагоне метро (на обратном пути в нем всегда почему-то было сырее и жарче)

люди в шкурах казались скорее животными. А Люси – человеком. И оттого, что Викешка сейчас не в саду и не дома, и оттого, что сегодня ей точно к себе его не прижать – а к родителям не поедешь, мама делить бокрёнка с глокой куздрой не любит, говорит: он и так всю неделю твой! – Лиза двинулась от метро пешком. Короткими перебежками – вместе с тьмой на город упал заполярный холод. В булочной – пирожок и чай, в «Тысяче мелочей» – черный крем для сапог, за какой-нибудь год пошедших морщинками-трещинками, и, непонятно зачем, брелок с крошечной плюшевой обезьянкой – просто так, чтобы бежать с ней домой мимо Викешкиного детсада, с единственным горящим окном – значит, кого-то еще не забрали, наверно, Светланку, у нее никого, только бабушка, от одиночества закладывая за воротник, мимо футбольного поля, залитого под каток, мимо школы, куда Викешка однажды пойдет, и тогда наконец Лиза сможет о многом ему рассказать – например, что у него есть дядя Тимур, и что попугайчик Кирюша не улетел от бабули с дедулей, а умер, и еще про Люси, чтобы рос человеческим человеком... но и готовым к жизненным вызовам.

Кто-то звонил. И все это время лодка несла ее по реке, лодка без весел, вместо весел – течение. Сначала по дну шелковисто струились водоросли, потом появились коряги, похожие на перекати-поле, они мчались, обгоняя друг друга, оживали, казались огромными крабами, схватывались клешнями, а потом деревянно ветвились и катились опять. Кто-то настырно звонил. Это звенели скаты? Они вылетали из озера (это все-таки было озеро!), будто наволочки после стирки, и шумно падали вниз – полоскаться. Скатов сделалось больше. Лиза пригнулась. А лодка теперь летела, словно с горы – по водному скату, нет, прыгала, точно по мостовой. Грохот усиливался. Да это же был селевой поток. И коряги (опять коряги?) срывались в него, словно в бездну. Вязкая жижа липла к рукам. Кто же это звонил? Лодку уже кружило... Это звонил телефон. Она могла захлебнуться, а телефон ее спас. Лиза села. Было темно везде – даже в самых неспящих окнах соседнего дома. Викешка был у родителей. Значит, звонила мама. Он заболел... он отравился? Мобильный Лиза оставила в кухне. Иногда ей звонили и по ошибке. На часах было около трех. Около трех?

Мобильник взвился опять. Из крана бежала вода. Нужно давно поставить нормальный смеситель. А звонил-то безумец Ю-Ю. Похвалить, быть похваленным?

– Не разбудил?

– Угадай.

– Ты была сегодня the best. Best of the best...

Надо было обрадоваться. Но спросонья не получилось.

– Тебе полагается приз...

– Почему?

– За лучший вопрос.

Ну да, Лиза даже и адрес звукорежиссеру продиктовала. Растянула губы в улыбку:

– Он тебе правда понравился?

– А тебе – мой ответ?

– Очень...

– Я под дверь. Откроешь?

– Под дверь?

– Тише, тише. Разбудишь.

– Кого? – спохватилась и перешла на шепот: – Ты правда за дверь?

– Да, подойди.

Надо было набросить халат. И закрыть в Викешкину комнату дверь. И что-то сказать Ю-Ю, просунув физиономию над цепочкой?

– Понимаешь, я только что его уложила... – и для правдоподобия вытащила из тумбочки запасные Викешкины сапоги. – Ему приснился кошмар.

– Подойди. Я привез тебе приз.

Посмотрела в глазок. И он тоже смотрел – напряженно, застенчиво, телефон возле уха:

– Открой. Я замерз. Дай мне чаю.

– В подъезде тепло.

– Я полчаса потратил – в него попасть. Я что, и чаю не заслужил?

Он так жалко канючил и так беспомощно упирался в глазок покатым сверкающим лбом – безобиднейший, в неандертальцах прозревающий душу.

– Жди, сейчас.

И, пока выбирала джинсы и свитер, думала, как это все-таки странно, а с другой стороны, когда же еще у нее будет возможность пить с ним чай и болтать сколько хочешь, хоть до рассвета – свитер Лиза выбрала под самое горло: если сразу отсечь двусмысленное, все будет замечательно хорошо. На цыпочках подошла и открыла. И, пока он старательно расшнуровывал неуклюжие сапоги и, как мячик, подпрыгивал, пытаясь выбраться из такого же неуклюжего кожушка, удивлялась, до чего же он посторонний. И только когда наливала чай, а он за ее спиной шелестел что-то милое, необязательное, но положенное (у тебя хорошо, компактно, уютно, разумно, сама надизайнила?) – вздрогнула до мурашек: да это же голос Ю-Ю! А потом обернулась: ну нет, незнакомый, случайный и какой-то замшелое-мустьерский. А он уже разливал свой кофейный ликер, потому что замерз, потому что она ведь тоже попробует, ну буквально глоток, это по-своему уникальный напиток, ему его привезли коллеги из Мексики, а приз, господи, самое главное, он же привез ей приз... Нагнулся, что-то достал из портфеля – под стеклом, в черной минималистской рамке лежала плоская древность. Он поправил: окаменелость, рыба – и по-латыни ее называл, из карьера в Баварии, обитавшая там сто пятьдесят миллионов лет назад. И повторил одними губами:

– Миллионов... Заветка.

От «заветки» стало не по себе. И еще оттого, что в голову вдруг реально ударило: я хочу знать, я хочу знать, какая рыба в океане плавает... давнее всех.

Они выпили за ее победу. Он накрыл Лизину руку своей, видимо, со значением. Она попыталась освободиться. А он опять повторил латинское название рыбы, а Лизину кисть удержал. Показалось, что кисть – это рыба, а он – миллионы лет. И шепотом (чтобы она к нему наклонилась или чтобы не разбудить Викиешку?) стал рассказывать, как образуются окаменелости. Оказалось, что в результате ужасающих катастроф, вот и эта рыба застыла в позе конвульсии. И почти с отчаянием повторил:

– В позе конвульсии...

А Лиза вдруг вспомнила:

– Я же хотела спросить тебя про Люси.

А Ю-Ю вдруг почти по-мужски нахмурился (совсем по-мужски у него бы не получилось, он был состарившимся ребенком):

– Не понимаю, о какой Люси ты говоришь. Вздор. Нет никакой Люси!

Вышла почти семейная сцена. Все куда-то медленно дрейфовало. И под предлогом кизилового варенья Лиза наконец-то освободилась от его горячего тепла – однако тепло никуда не делось, – встала, открыла полку:

– Про Люси-шимпанзе. Почему ее сначала удочерили, а потом отправили в лес?

Он молчал и смотрел, как она поправляет волосы, как начинает под пристальным взглядом краснеть, как выплюхивает в большую чашку варенье, слизывает его с пальца. Слизывает и ощущает, как стена – ведь ее только что окружала стена – идет мелкими трещинами.

– Я тебе говорила, что у меня есть бойфренд? И что мы летом, наверно, поженимся, – голос тоже зачем-то дрожит и осыпается штукатуркой.

А Ю-Ю почему-то встает, берет ликер и бокалы:

– Так вот, про Люси. У тебя есть компьютер? Я вспомнил! Пойдем.

Чтобы он не зашел в пустую Викешкину комнату, Лиза бросается следом:

– Здесь. Сюда, – и заталкивает его к себе.

А ему остается лишь доиграть мизансцену:

– Тише. Тише. Разбудишь, – и мягко захлопнуть дверь: – Давай про Люси потом, давай про тебя, про венец эволюции... про веночек...

Какое-то время Лиза хватается то за слова, то за мышку. Она все-таки включила комп, выдумав заслониться ребенком (нехорошо, но больше нечем) – тысячей его фоточек, рожиц, милых гримасок: это он в море, в первый раз и жутко боится... это он в самолете, ненастоящем, на ВВЦ, в моем детстве там было ВДНХ (помните, ой, то есть помнишь?), а теперь там открыли Дом бабочек, для Москвы там потрясающе круто... а Ю-Ю на это только дышал, а потом горячо сказал – горячо было шее, в которую он говорил, оттянув ворот свитера, – что еще они обязательно сфоткаются в музее палеонтологии, где он все им покажет-расскажет, потому что Викентий сейчас в идеальном для этого возрасте – возрасте потрясений. Лиза подумала: как и я! Или это она подумала уже утром?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.